

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Мошенничество: уголовно-правовая характеристика, вопросы квалификации»

Обучающийся

Н.А. Ермолаева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, К.В. Дуюнов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Понятие мошенничества и ответственность за его совершение в истории российского уголовного законодательства	14
1.1 Мошенничество как посягательство на отношения собственности в истории отечественного уголовного законодательства	14
1.2 Ответственность за мошенничество в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации	22
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика основных составов мошенничества в уголовном законодательстве РФ (ст.ст. 159-159.6 УК РФ)	33
2.1 Объект мошенничества: общее и особенное.....	33
2.2 Объективная сторона мошенничества: общее и особенное	40
2.3 Субъективная сторона мошенничества: общее и особенное	50
2.4 Субъект мошенничества: общее и особенное.....	55
Глава 3 Квалифицированные и особо квалифицированные составы мошенничества, их влияние на квалификацию и ответственность.....	63
3.1 Квалифицированные составы мошенничества, их влияние на квалификацию и ответственность	63
3.2 Особо квалифицированные составы мошенничества, их влияние на квалификацию и ответственность	73
Заключение	86
Список используемой литературы и используемых источников	91

Введение

Актуальность темы исследования. Мошенничество является одним из наиболее распространённых преступлений. Согласно последним доступным статистическим данным МВД России, за период с января по октябрь 2022 года, количество зарегистрированных мошенничеств в общей структуре преступлений составило 16,7 %, по итогам 2021 года – 16,9 % от всех зарегистрированных преступлений. При этом, по результатам 2016 года доля мошенничеств в общей структуре преступности составляла только 8 %. Данные обстоятельства объективно указывают на резко возросшую распространённость мошенничеств как преступного способа завладения чужим имуществом и правом на имущество.

При этом на фоне общего снижения количества преступлений против личности, в т.ч. соединённых с завладением чужим имуществом, наблюдается увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (по итогам 2021 года – на 1,4 % по сравнению с 2020 годом). По итогам 2020 года рост данного вида преступности составил 73,4 % по сравнению с показателем 2019 года. Существенную часть данных преступлений составляет завладение чужими денежными средствами способом обмана или злоупотреблением доверия. Становится очевидным, что данный вид преступности является одним из «вызовов» правоохранительной системе государства по аналогии с разгулом организованной преступности в 90-х годах XX столетия. По тому, как быстро и насколько эффективно правоохранительная система справиться с «разгулом» такой преступности, наши потомки будут оценивать эффективность функционирования государства как гаранта функционирования правового режима права собственности и его защиты. В свою очередь, это обстоятельство обуславливает необходимость совершенствования и повышения эффективности средств и способов борьбы с данным видом преступности, в том числе содержания и качества норм

уголовного законодательства предусматривающего ответственность за совершение мошенничества, а также практики их применения.

«В результате законодательных изменений в 2012 году в Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ были дифференцированы составы мошенничества в отдельных сферах общественных отношений: в сфере кредитования, при получении выплат, в сфере предпринимательской деятельности, в сфере страхования, с использованием электронных средств платежа и в сфере компьютерной информации.

Вместе с тем формирование указанной системы дифференцированных видов мошенничества, привело к появлению множества проблем теоретического и прикладного характера. Среди учёных и специалистов до настоящего момента существуют различные позиции относительно необходимости такой реформы и её эффективности» [46, с. 1726]. С момента указанных законодательных изменений, следственная и судебная практика по каждому из сформированных составов мошенничества пошла по пути формирования собственного опыта, поскольку в каждом случае состав преступления носит бланкетный (отсылочный) характер к нормам законодательства, регулирующим соответствующие виды отношений в сфере которых совершаются такие мошенничества (например, законодательство, регулирующее вопросы предоставления кредитов, социальное законодательство, законодательство регулирующее вопросы использования электронных средств платежа, законодательство регулирующее страховые отношения и прочие).

Кроме того сохранились и даже преумножились традиционно актуальные для мошенничества вопросы разграничения составов имущественных преступлений, направленных на завладение чужим имуществом. В частности, разграничение кражи и мошенничества, мошенничества и состава присвоения и растраты и т.п.

Таким образом, актуальность избранной для исследования темы обусловлена необходимостью проведения комплексного анализа уголовно-

правовой характеристики и квалификации мошенничества, в целях формирования полноценного представления о структурных взаимосвязях в системе преступлений против собственности совершённых способом обмана и (или) злоупотребления доверием, а также поиска дальнейших путей развития уголовно-правовой теории, уголовного законодательства и практики его применения.

Степень научной разработанности темы. Научный интерес к различным вопросам, связанным с мошенничеством носит постоянный характер. Среди учёных, которые посвятили свои труды исследованию уголовной ответственности за мошенничество, можно выделить следующих авторов диссертационных и монографических исследований: А.В. Архипов, Д.Н. Алиева, А.А. Боровков, С.Я. Бойко, Г.Р. Григорян, К.В. Горобец, В.Е. Батюкова, М.Г. Жилкин, О.М. Иванова, М.А. Костюченко, М.И. Калашников, Р.А. Комягин, Р.А., Н.Н. Лунин, В.А. Маслов, И.А. Мусьял, С.М. Мкртчян, Т.И. Митрофанов, А.А. Пудовкин, А.П. Перетолчин, Е.В. Суслина, З.Р. Салаев, Т.Н. Тимина, В.В. Тарасенко, М.Д. Фролов, М.Ю. Хмелёва, А.П. Штанькова, А.А. Южин, С.В. Ямашкин и других.

Анализ трудов перечисленных ученых позволяет сделать вывод о том, что основное внимание учёных было приковано к познанию общих вопросов уголовной ответственности за мошенничество и вопросам криминологической характеристики данного состава. С момента законодательных изменений, которые привели к дифференциации уголовной ответственности за мошенничество (ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ), внимание учёных в своём большинстве было посвящено вопросам анализа данного вида составов преступлений, их разграничению между собой, с основным составом мошенничества, а также со смежными составами преступлений, целесообразности такого рода изменений и т.п.

Кроме того, актуальность вопросов уголовной ответственности за мошенничество породило постоянное внимание к данным вопросам в научной периодике. Можно выделить авторов следующих научных публикаций:

М.В. Веремеенко, Р.Н. Боровских, Д.А. Зыков, В.Ф. Габдрахманов, Р.В. Макаров, С.А. Матвеев, Е.В. Прыгунова, Г.Р. Григорян, В.И. Гладких, А.П. Гудков, О.С. Демко, А.С. Красников, М.А. Кузьмин, Н.Е. Фетисова, Н.Г. Кадников, В.К. Лукин, Д.В. Петров, В.П. Очередыко, Н.Д. Ковбенко, И.Л. Третьяков, Г.Б. Полисюк, С.С. Чистопашина, А.И. Розенцвайг, М.Н. Романовская, И.М. Таймасханов, А.В. Федченко, К.Г. Хапов, Д.Д. Харламов, К.В. Чиркин, Н.А. Четырин, М.В. Чесноков и другие.

На уровне научных публикаций сохраняется интерес к наиболее насущным проблемам уголовной ответственности за мошенничество. В частности, это вопросы дифференциации уголовной ответственности за данный вид преступления, анализ специальных составов мошенничества (мошенничество при получении кредита, мошенничество при оформлении социальных выплат, мошенничество в сфере страхования и прочих). Традиционно постоянный интерес привлекают вопросы мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, мошенничества, связанного с уклонением от уплаты налогов и сборов, другие «частные» случаи мошенничества. Пристальное внимание также уделяется вопросам разграничения «простого» мошенничества и его видов, а также мошенничества и смежных составов преступлений.

При этом наблюдается дефицит научных исследований комплексного характера. Подобные научные исследования в последнее десятилетие являются редкостью в виду того, что представители уголовно-правовой науки сосредоточили своё внимание на исследовании вопросов частного характера.

Объектом исследования: выступает совокупность общественных отношений, связанных с применением норм об уголовной ответственности за совершение деяний, квалифицируемых как мошенничество.

Предметом исследования: выступают нормы права, регулирующие общественные отношения, относящиеся к объекту исследования. Это, прежде всего, нормы Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 года, а также уголовное законодательство. Кроме того, к предмету исследования относятся

сформированные доктринальные положения по вопросам связанным с уголовной ответственностью за мошенничество в уголовном праве России, а также судебная практика по уголовным делам по обвинениям в совершении мошенничества.

Цель диссертационного исследования – проведение комплексного анализа уголовной ответственности за мошенничество по уголовному праву России, а также поиск путей и способов, дальнейшего совершенствования уголовного закона в этом направлении и практики его применения.

Задачи диссертации:

- провести историко-правовой анализ развития уголовной ответственности за мошенничество в России.
- проанализировать ответственность за мошенничество в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации
- охарактеризовать объект мошенничества, его общие и особенные признаки;
- проанализировать объективную сторону мошенничества: общее и особенное;
- проанализировать субъективную сторону мошенничества: общее и особенное;
- проанализировать субъект мошенничества: общее и особенное;
- охарактеризовать квалифицированные составы мошенничества, их влияние на квалификацию и ответственность;
- осуществить характеристику особо квалифицированных составов мошенничества, их влияние на квалификацию и ответственность;
- проанализировать вопросы отграничения состава мошенничества от составов иных преступлений против собственности;
- рассмотреть отграничение состава мошенничества от смежных составов, содержащихся в других главах Особенной части УК РФ.

Методология и теоретико-правовая основа исследования.

Методологическую основу исследования составили совокупность

общенаучных и специальных методов научного познания. В основе общенаучных методов познания лежит диалектический метод, а также методы индукции, дедукции, анализа и синтеза, научные приёмы логики, восхождения от абстрактного к конкретному. Кроме того, в исследовании использовались специальные методы юридической науки, такие как метод формального анализа, историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Нормативно-правовая основа исследования. Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (далее – Конституция РФ), Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [44] (далее – УК РФ), федеральные законы о внесении изменений в УК РФ и другие нормативно-правовые акты.

Теоретическую основу исследования составляют работы отечественных учёных посвящённых различным аспектам уголовной ответственности за мошенничество в уголовном праве России. В процессе проведения исследования были использованы труды таких авторов, как: А.М. Архипов, Д.Н. Алиева, А.А. Боровков, В.Е. Батюкова, Р.Н. Боровских, Д.А. Зыков, С.Я. Бойко, М.В. Веремеенко, В.Ф. Габдрахманов, Р.В. Макаров, С.А. Матвеев, Е.В. Прыгунова, Г.Р. Григорян, К.В. Горобец, В.И. Гладких, А.П. Гудков, В.К. Дуюнов, А.Г. Хлебущкин, О.С. Демко, М.Г. Жилкин, О.М. Иванова, А.С. Красников, М.А. Костюченко, М.И. Калашников, М.А. Кузьмин, Н.Е. Фетисова, Р.А. Комягин, Н.Г. Кадников, Н.Н. Лунин, В.К. Лукин, Д.В. Петров, В.А. Маслов, И.А. Мусьял, С.М. Мкртчян, Т.И. Митрофанов, В.П. Очередыко, Н.Д. Ковбенко, И.Л. Третьяков, А.А. Пудовкин, А.П. Перетолчин, Г.Б. Полисюк, С.С. Чистопашина, А.И. Розенцвайг, М.Н. Романовская, Е.В. Суслина, З.Р. Салаев, Т.Н. Тимина, В.В. Тарасенко, И.М. Таймасханов, А.В. Федченко, М.Д. Фролов, К.Г. Хапов, М.Ю. Хмелёва, Д.Д. Харламов, К.В. Чиркин, Н.А. Четырин, М.В. Чесноков, А.П. Штанькова, А.А. Южин, С.В. Ямашкин и другие.

Научная новизна исследования. Научная новизна представленного исследования выражается в том, что в ходе анализа доктринальных взглядов

по вопросам уголовной ответственностью за совершение мошенничества, были сформированы собственные позиции по этому поводу, которые могут быть использованы в процессе дальнейшего научного познания данной категории.

Практическая значимость исследования. Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при преподавании студентам высших учебных заведений учебных дисциплин уголовно-правовой направленности. Кроме того, по результатам исследования были сформированы ряд предложений направленных на совершенствование уголовного законодательства и практики его применения.

Положения, выносимые на защиту:

- Имущество, как предмет мошенничества, всегда носит материальный характер, является частью материального мира, то есть обладает признаком вещи и иных предметов. С учётом современных социально-экономических реалий право возникающие в связи с обладанием такими цифровыми объектами, как цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровые утилитарные права (по сути, право требования передачи вещи, либо совершения иного действия имущественного характера зафиксированное в цифровой форме) должно охраняться в т.ч. и уголовным законом, а следовательно, завладение такими правами путём обмана или злоупотреблением доверием должно квалифицироваться по соответствующей норме Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение мошенничества.
- Как показывает судебная практика, наибольшие сложности в доказывании вины лиц, совершивших мошеннические действия, является установления в их действиях умысла на совершение преступления. Мошенничество может быть совершено только с

умышленной формой вины. Умысел может быть как прямым, так и косвенным. Лицо, совершающее мошенничество осознаёт и понимает, что юридически имущество ему не принадлежит, у него отсутствуют на него законные права. При этом следует отделять от юридического статуса вещи, возможные представления лиц совершающих преступления, основанные на том, что они «возвращают награбленное, принадлежащее народу» и т.п.

- Субъект мошенничества общий, уголовной ответственности за совершение данного преступления подлежат лица, достигшие 16-летнего возраста. Существует проблема несоответствия «нижних» возрастных порогов привлечения к уголовной ответственности за кражу (ст. 158 УК РФ, ответственность наступает с момента достижения 14-летнего возраста), грабёж (ст. 161 УК РФ, ответственность наступает с момента достижения 14-летнего возраста) и мошенничество (ст. 159 УК РФ ответственность за совершение которого наступает с 16-летнего возраста), которая выражается в наличии сходных по своим признакам деяний связанных с завладением чужим имуществом, которые в зависимости от усмотрения правоприменителя, могут быть квалифицированы различным образом. Данная проблема порождает необходимость приведения низшего возрастного порога привлечения к уголовной ответственности к «единому знаменателю». Предположительным способом решения обозначенной проблемы видится понижение возрастного порога привлечения к уголовной ответственности за мошенничество до 14-летнего возраста.
- Квалифицирующие признаки мошенничества в составах мошенничеств (части вторые статей 159-159.6 УК РФ) имеют согласованную и логичную структуру. В качестве таковых признаков законодатель выделяет совершение преступления

группой лиц по предварительному сговору и причинение значительного ущерба потерпевшему. Последний квалифицирующий признак не относится к мошенничеству в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и мошенничеству, связанному с получением выплат (ст. 159.2 УК РФ). Это связано с тем, что потерпевшей стороной по данным категориям преступлений не могут выступать граждане (а только кредитные организации и государство в лице компетентных органов). Разрешение вопроса о причинении гражданину значительного материального ущерба исходит из трёх критериев. Первый это преодоление минимального порога похищенного, который составляет 5 тыс. руб. и 10 тыс. руб. для мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Второй это стоимость похищенного которая должна быть сопоставлена с материальным положением потерпевшего. В свою очередь, материальное положение потерпевшего определяется исходя из наличия у последнего доходов, его размера, периодичности, наличия иждивенцев и других членов семьи, а также совокупный доход потерпевшего с доходом других членов семьи с которыми последний ведёт общее хозяйство. Представляется, что совершенствование практики применения данной нормы может заключаться и в выяснении вопроса о наличии у потерпевшего и членов его семьи ценного имущества, а также имущественных прав. Поскольку не является редкостью ситуации уклонения от уплаты налогов, поступление гражданам не декларируемых доходов. Кроме того, исходя из действующего подхода пленума Верховного Суда РФ не учитывается стоимость имущества такого гражданина.

- Признак предварительного сговора группой лиц при совершении мошенничества предполагает наличие двух и более лиц, совершивших данное преступление вне зависимости от их преступной роли. Важным условием, является достижение

последними договорённости до момента начала выполнения объективной стороны преступления. Виды мошенничеств, которые могут быть совершены только специальными субъектами, а именно мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч.ч. 5-7 ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) предполагают возможность включения в группу лиц по предварительному сговору только лиц, соответствующих признакам специального субъекта.

– Позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная им в п. 7 постановлении от 30.11.2017 № 48 о недопустимости квалификации действий виновного лица как идеальной совокупности преступления (мошенничества и соответствующего квалифицированного состава ст. 327 УК РФ), использующего для совершения преступления заведомо поддельный или подложный документ, является необоснованной и подлежи корректировке. В связи с этим, абзац 4 пункта 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 предлагается изложить в следующей редакции: «Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, при наличии соответствующих признаков, подлежит квалификации по совокупности преступлений с соответствующей частью ст. 327 УК РФ».

- основным критерием разграничения составов мошенничеств и преступлений способом совершения которых также выступает обман и злоупотребление доверием, выступает наличие признаков хищения и корыстного мотива и цели в действиях преступника. Также установлено, что общим недостатком конструкций смежных составов заключается в неоднозначности диспозиций, которые не

позволяют с точностью определить критерий хищения как основной разграничивающий признак. В этой связи представляется необходимым внести изменения в УК РФ дополнив части первые статей 172.2, 176, 177, 200.3 УК РФ в части описания объективной стороны следующей фразы: «при отсутствии признаков хищения чужого имущества, либо права на него путём обмана или злоупотребления доверием.

- Разграничение мошенничества и смежных составов преступлений, происходит по критерию наличия или отсутствия признаков хищения, а также корыстной цели в действиях виновных лиц. Кроме того, имеются различия исходя из критериев специального субъекта, а также специальных способов совершения преступлений, наличие специальной преступной цели, а также исходя из непосредственных объектов преступного посягательства (в случае со смежными составами преступлений, последние заключаются не только и несколько в посягательства на отношения собственности.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачами исследования и состоит из введения, основной части разделённой на четыре части и десяти параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие мошенничества и ответственность за его совершение в истории российского уголовного законодательства

1.1 Мошенничество как посягательство на отношения собственности в истории отечественного уголовного законодательства

Как указывает А.В. Архипов в наиболее древних известных науке письменных правовых источниках, таких как Русская Правда, Новгородские и Псковские судные грамоты не упоминается об ответственности за хищение совершённое способом обмана или злоупотребления доверием. Впервые термин «мошенник» был упомянут в законодательных актах русского государства в XVI веке [1, с. 13].

Так, в ст. 58 Судебника царя Ивана IV 1550 г., среди прочего, указывалось следующее: «а мошеннику та ж казнь, что и татю» [19, с. 51]. При этом термин мошенник в данном источнике не раскрывался, что породило соответствующую дискуссию. Из процитированной формулировке понятно, что мошенничество не является тайным хищением (кражей), однако наказывается аналогично краже. В ходе дискуссии по этому вопросу в середине XIX столетия высказывалась мысль, что речь идёт о мошенничестве в его современном понимании [2, с. 298], а также то, что речь шла о карманной краже [29, с. 23]. В качестве обоснования первой версии указывалось на то, что в этой же статье Судебника употреблялся термин «оманщик» (обманщик), в свою очередь, в пользу второй версии говорило сходство термина «мошенник» и слова «мошна» (небольшая сумка которая использовалась для хранения денег, которая носилась на поясе или в кармане).

Кроме того, в Судебнике 1589 года Федора Иоанновича - сына Ивана IV такие криминальные фигуры, как «мошенник» и «оманщик» разделялись [20, с. 74]. Это обстоятельство позволяет в качестве более обоснованной версии предполагать, что мошенничество изначально являлось аналогом

карманной кражи. При этом уголовная ответственность за обман имело место уже в данных судебниках. При этом можно согласиться с М.А. Исаевым, который утверждает, что «с XVI в. мошенничество стало выделяться в русском законодательстве из общего понятия «татьба», которым до этого было принято именовать все возможные виды хищений» [8, с. 108].

Русский учёный-правовед середины XIX столетия И.Я. Фойницкий предполагал, что в указанный период времени под мошенничеством понималась ловка, но при этом мелка по размерам кража, при которой использовался обман как средство облегчения её совершения [29, с. 25]. В обоснование данной позиции, учёный приводит пример конкретного судебного дела в отношении Королькова в 1767 году. Прочитируем: «Когда в Петербург съехались депутаты из различных мест Российской империи для составления уложения законов, Корольков подделал пригласительные от комиссии на 25 июля 1767 г. и стал разносить их депутатам, собирая за это деньги. Сенат, до рассмотрения которого дошло это дело, нашел, что здесь нет мошенничества, а имеет место только обман» [29, с. 26]. При рассмотрении дела в Сенате было отмечено, что точных норм об ответственности за обман не предусмотрено в связи с чем необходимо применить наказание по аналогии за мошенничество ввиду близости данных преступлений.

Таким образом, судебная практика пошла по пути объединения под «мошенничество» таких преступлений, как карманная кража, отдельные случаи ненасильственного грабежа, завладение чужим имуществом способом обмана (не оплата товара, продажа поддельных предметов. Обмеривание, обвешивание и т.п.). Перечень действий, подпадающих под мошенничество был приблизительным. Именно в таком понимании мошенничество раскрывалось в Указе от 03.04.1781 года. Таким образом, мошенничество совершаемое способом обмана приобрело черты сходные с его современным пониманием. В целом, именно такое понимание мошенничества было заложено и в Своде законов российской империи от 1835 года.

Отмечается, что окончательное формирование мошенничества как преступления, способом совершения которого является обман, произошло с принятием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно ст. 2172 данного Уложения, «мошенничеством признается всякое, посредством какого-либо обмана учиненное, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» [28].

Определённый интерес представляет развитие представлений отечественных учёных дореволюционного периода относительно понимания мошенничества. Так, И.Я. Фойницкий в 1871 г. критиковал казуалистичность уголовного законодательства Российской империи, а именно положений вышеуказанного Уложения о наказаниях уголовным и исправительных 1845 года и предлагал выработать единый подход к пониманию состава мошенничества, указывая следующее: «история нашего права каждым своим шагом свидетельствует о том, что прогресс законодательства относительно мошенничества состоял в постепенном отрешении от конкретного в пользу общего» [30, с. 82].

Существует позиция согласно которой в Уложении 1845 года уголовная ответственность за мошенничество охватывалась только вышеуказанной нормой [10, с. 15-19]. С этой позицией не соглашается С.М. Акопов, который отмечает, что «ответственность за мошенничество в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не ограничивалась лишь регламентацией ответственности за «воровство-мошенничество» в ст. 2172-2187 как за «всякое посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества». В Уложении 1845 г. регламентировалась ответственность за «обманы всякого рода в обязательствах» в ст.ст. 2188-2192 за «присвоение через подлог или иного рода обман чужого недвижимого имущества» и за «присвоение вверенного чужого движимого имущества», а также за «присвоение ученой или художественной собственности» (ст.ст. 2195-2197), за «обман для побуждения к даче обязательств» (ст.ст. 2200-2201), за «подлоги в актах и обязательствах» (ст.ст. 2202-2209), статьями за

«преступления и проступки по некоторым обязательствам, в особенности» (ст.ст. 2210-2224), за «противозаконные поступки чиновников при заключении подрядов и поставок, прием поставляемых в казну вещей и производство публичной продажи» (ст.ст. 521, 522, 524, 529, 531), за «подложное проявление чудес и другие своего рода обманы» (ст.ст. 1159-1161), за «нарушение правил о прощении подаяния» (ст. 1221), «за нарушение уставов почтовых» (ст. 1536, ст. 1537)»[2, с. 134].

Как мы можем наблюдать, казуистичность регламентации уголовной ответственности за мошенничество являлось характерным не только для современного период развития уголовной ответственности за мошенничество, но и для прошлых периодов развития отечественного уголовного законодательства.

Кроме того, И.Я. Фойницкий также отмечал следующее: «сумма уголовных постановлений во французском кодексе несравненно меньше, чем в нашем Уложении о наказаниях, но объем наказуемых действий в первом гораздо шире», что позволяет «с развитием физических и интеллектуальных сил государственной власти ... выступить с уголовной репрессией против нарушения прав, а не только против отдельных опасных действий, угрожающих прочности прав» [30, с. 4]. Соглашался с ним и его современник Д.А. Червонецкий по мнению которого «для борьбы с такой преступностью недостаточны казуистические постановления, - законодатель не в состоянии предусмотреть все формы обмана, какие создаст жизнь; необходимы общие формулы мошенничества, которые не оставляли бы в законе пробелов в пользу преступников наиболее ловких и опасных» [36, с. 16].

Далее необходимо обратить внимание на Уголовное уложение 1903 года, которое так и не было введено в действие, однако разработка которого происходила с 80-х годов XIX столетия, что говорит о фундаментальности и проработанности данного документа [4]. К участию в его подготовке были привлечены выдающиеся учёные-правоведы того периода: Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов и другие. Уголовной

ответственности за мошенничество в данном документе были посвящены несколько ст.ст. 591-598. Общее понятие мошенничества заключалось в похищении чужого движимого имущества, а также права на имущество посредством обмана. В качестве цели похищения указывалось присвоение.

Относительно сформированного подхода к криминализации различных деяний, связанных с преступным обманом и злоупотреблением доверием, Д.А. Червонецкий отмечал следующее «вместо общего определения мошенничества, как высшей ступени законодательного синтеза, в новом уложении остались та же терминология, то же многословие, которыми характеризуется наше архаическое уложение о наказаниях. Таким образом, процесс обобщения имущественных обманов не может считаться законченным ... Будущему законодательству предстоит сделать последний шаг на этом пути посредством установления единого абстрактного определения мошенничества» [36, с. 16]. По мнению С.М. Аكوпова, «обозначенные выводы Д.А. Червонецкого, в той или иной степени, сохраняли свою актуальность на всех этапах становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за мошенничество, повторяя путь «многословия», противного идеям «законодательного синтеза»» [2, с. 134].

В советский период уголовная ответственность за мошенничество получило своё дальнейшее развитие. В первом советском УК РСФСР 1922 года в ст. 187 мошенничество понималось аналогично Уголовному уложению 1903 года. Изменения касались появления термина «злоупотребление доверием», термин «похищение» был заменён на термин «приобретение». Кроме того, дальнейшее развитие получило понимание обмана, которому давалось легальное определение: «сообщение ложных сведений, так и заведомо сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательным [1, с. 16]. Интересно отметить, что советскими учёными того периода взаимосвязь между первым советским уголовным законодательством и нормами Уголовного уложения 1903 года категорически отрицалась

[5, с. 247], хотя в действительности перенос многих законодательных конструкций имеет место (хотя бы на примере норм об ответственности за мошенничество).

«В УК РСФСР 1926 года в ст. 169 мошенничество определялось как злоупотребление доверием или обман совершённые в целях получения имущества или права на имущество или других личных выгод» [46, с. 1726]. Как мы можем наблюдать, речь шла также о других личных выгодах, которые можно было трактовать довольно широко, в т.ч. не в контексте корысти и личного обогащения. А.В. Архипов также обращает внимание, что уголовно наказуемым признавалось не само завладение имуществом или правом на имущество, а сам факт обмана или злоупотребления доверием, который имел соответствующую направленность. При этом, по мнению учёного, корыстная цель сохранялась в качестве обязательного признака субъективной стороны данного преступления.

С.М. Акопов, характеризуя уголовную ответственность за мошенничество в указанный период, отмечал, что «УК РСФСР 1926 г. уже в первоначальной редакции предусматривал ответственность за торговые обманы и обманы на основе суеверия, т.е., за специальные виды мошенничества, известные как УК Р.С.Ф.С.Р. 1922 г., так и дореволюционному законодательству. В частности, в соответствии со ст. 171 УК РСФСР 1926г., (аналогично ст. 190 УК Р.С.Ф.С.Р. 1922г.) ответственность наступала за «Обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, если это имело или могло иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов». Кроме того, ст. 123 УК РСФСР 1926г. (как и ст. 120 УК Р.С.Ф.С.Р. 1922г., ст.ст. 1159-1161 Уложения 1845 г.) регламентировала ответственность за совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, для извлечения таким путем каких-либо выгод» [2, с. 136].

Следующий этап развития уголовной ответственности за мошенничество начался с принятием в 1960 году УК РСФСР [14], в которой уголовная ответственность за совершение данного преступления была дифференцирована в зависимости от предмета хищения: личная или социалистическая (государственная) собственность. При этом понимание самого мошенничества для обоих случаев в целом было идентичным (завладение чужим имуществом путём обмана или злоупотребления доверием). Разница заключалась в том, что в случае с личной собственностью в состав мошенничества также входило завладение правом на имущество, которое не включалось в состав мошенничества против социалистической собственности [1, с. 17].

Отмечается, что «на данном этапе законодатель вновь вернулся к материальной конструкции состава мошенничества, регламентировав определение последнего в ст. 93 УК РСФСР 1960 г. как завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, а также в ст. 147 УК РСФСР 1960 г. как завладение личным имуществом граждан или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. При этом мошенничество на законодательном уровне было признано способом хищения, что нашло буквальное отражение в наименовании ст. 93 УК РСФСР хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества, а также, в диспозиции ст. 96 УК РСФСР 1960 г. (мелкое хищение государственного или общественного имущества путем ... мошенничества...). Кроме того, преступность торговых обманов (квалифицируемых как мошенничество на предшествовавших этапах развития отечественного законодательства) регламентировалась в ст. 156 УК РСФСР предусматривающую ответственность за обман потребителей» [2, с. 135].

Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от принадлежности предмета хищения, была обусловлена государственной

политикой направленной на предоставление повышенной защиты государственным интересам (в т.ч. праву государственной собственности).

Уже в современном России в период с 1991 по 1996 год действовал УК РСФСР 1960 года. При этом, в период с 1991 по 1994 года продолжала действовать повышенная уголовно-правовая защита для государственной и коллективной формы собственности. 01.07.1994 года вступил в силу Федеральный закон № 10-ФЗ, согласно которого глава вторая Особенной части УК РСФСР 1960 г. была исключена (в данной главе были расположены нормы, предполагающие повышенную ответственность за хищение государственной или коллективной собственности. Одновременно с этим, ст. 147 УК РСФСР 1960 г. была изложена в редакции, которая распространяла своё действие на мошенническое завладение имуществом любой формы собственности [51, с. 131]. Также, из Особенной части УК РСФСР 1960 г. были исключены специальные составы мошенничества (преступлений, предусматривающих в качестве способа их совершения обман или злоупотребление доверием). В частности, речь идёт о суеверном обмане (ранее ответственность за такого рода обман была предусмотрена в УК РСФСР 1922 и 1926 годов, а до этого – ещё в Уложении 1845 года). По результатам проведённой реформы уголовной ответственности за мошенничество, в уголовном законодательстве осталось два состава мошенничества: ст. 147 УК РСФСР 1960 г. (основной состав мошенничества) и ст. 159 УК РСФСР 1960 г. (специальный состав мошенничества – обман потребителей) [2, с. 136]. Такое решение законодателя выглядит правильным и обоснованным. Так, равенство всех форм собственности является основополагающим началом рыночной экономики и соответственно, правовой системы в государстве, в котором такая экономика функционирует. В связи с этим, существовала актуальная необходимость в предоставлении одинакового уровня уголовно-правовой защиты государственной, коллективной и индивидуальной собственности. Что касается исключения специальных видов мошенничества, то такое решение также являлось обоснованным, поскольку все перечисленные виды

обмана либо злоупотребления доверием охватываются общим составом мошенничества. Сохранение специального состава мошенничества, предусматривающего ответственность за обман потребителей было обусловлено, прежде всего, распространённостью данного явления в сфере общественного потребления товаров, работ и услуг. То есть задачи противодействия данному виду мошенничеств носила актуальный и общественно значимый характер.

В целом, УК РСФСР сохранял своё действие и после 1991 года. В 1993 году были внесены изменения, которые упразднили ответственность за совершение хищений социалистической собственности. Ст. 147 УК РСФСР предусматривала теперь ответственность за совершение мошенничества в отношении любого имущества, в независимости от его принадлежности. Кроме того, мошенничество было отнесено к группе преступлений совершаемых способом хищения, что сохраняется и до настоящего времени.

1.2 Ответственность за мошенничество в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации

В действующем УК РФ принятом в 1996 году ответственность за совершение мошенничества изначально регламентировалась ст. 159 УК РФ. Формулировка диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ сохранилась до настоящего момента в своей первоначальной редакции. Мошенничество определяется как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [26].

Первое значимое изменение данной нормы произошло в 2003 году с принятием Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [31]. Структура квалифицированных признаков мошенничества была видоизменена, из последних были исключены такие признаки, которые предусматривали ответственность за неоднократность, либо рецидивную

форму мошенничества. Все остальные квалифицирующие признаки были оставлены без изменения. Кроме того, был добавлен признак мошенничества сопряжённого с причинением вреда в особо крупном размере (добавлен в ч. 4 ст. 159 УК РФ). Также, определённые изменения были внесены и в содержание санкций данной нормы.

Следующие, наиболее значительные изменения в систему уголовной ответственности за мошенничество в современной России, произошли в 2012 году [32]. Первое изменение касалось дополнение ч. 4 ст. 159 УК РФ квалифицирующим признаком предусматривающим усиление ответственности за мошенничество повлекшее лишение гражданина права на жилое помещение. Такие изменения были вызваны повышенной опасностью такого рода преступлений, поскольку жилище, возможность проживать в жилище, является ценным и значимым имущественным правом.

Вторая группа изменений касалась выделения из основного состава мошенничества специальных составов мошенничества связанных с завладением имуществом мошенническим способом в конкретных сферах или конкретным способом (ст. 159.1-159.6 УК РФ). Так были выделены следующие специальные составы мошенничества: «мошенничество в сфере кредитования, мошенничество при получении выплат, мошенничество с использованием платёжных карт, мошенничество, совершённое в сфере предпринимательской деятельности, мошенничество в страховой сфере, мошенничество в сфере компьютерной информации» [50, с. 95-96].

Отметим, что такого рода масштабная дифференциация уголовной ответственности за мошенничество имеет место впервые в истории отечественного уголовного законодательства. Причины, которые побудили законодателя провести такую реформу, до настоящего времени, не вполне определены, а целесообразность таких законодательных изменений до настоящего времени, ставится некоторыми учёными под сомнение. Представляется, что основными причинами могло быть стремление законодателя противодействовать возрастающей криминальной активности

мошенников в обозначенных сферах общественных отношений. Многие из указанных видов мошенничеств совершаются лицами «специализирующимися» именно на данном виде преступности, для совершения части из них необходимо наличие специальных знаний навыком и умений (например, в кредитной сфере, с использованием компьютерной информации, с использованием электронных средств платежа и т.п.) [47, с. 144].

Неоднозначно данная реформа была воспринята не только в научной среде. Ст. 159.4 УК РФ предусматривающая ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности была признана не соответствующей Конституции РФ, а именно положениям ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 46, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в той части, в которой они предусматривают ответственность в меньшем размере за хищение, которое в случае его квалификации по ст. 159 УК РФ, подлежит наказанию более строгой санкцией [17]. Во исполнение решения КС РФ, в 2016 году ст. 159.4 УК РФ была признана утратившей силу [33]. Этим же федеральным законом мошенничество в сфере предпринимательской деятельности повлекшее причинение значительного ущерба было воспроизведено в качестве квалифицируемого признака ст. 159 УК РФ способом дополнения её частью пятой. Кроме того, ст. 159 УК РФ была дополнена ч. 6 и 7 предусматривающая ответственность за совершение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в крупном размере и в особо крупном размере соответственно.

На данный момент, это последние законодательные изменения в основную норму о мошенничестве. Однако некоторые нормы, предусматривающие ответственность за специальные виды мошенничества, подвергались корректировке. Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [34], название и диспозиция нормы ст. 159.3 УК РФ была заменена на мошенничество с использованием электронных средств платежа. Данные изменения носили терминологический характер, в виде неудачности

первоначальной формулировки. Кроме того, внесённые изменения позволили расширить сферу применения данной нормы, включив в неё все случаи электронных дистанционных банковских переводов (не только совершаемых с использованием банковских карт). Кроме того, были разграничены составы ст. 159.3 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ, которая предусматривает ответственность за совершение мошенничества в сфере компьютерной информации. В п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ дифференцирована ответственность с использованием компьютерной информации повлекшее хищение денежных средств с банковского счёта, а равно хищение электронных денежных средств.

В контексте обозначенных законодательных изменений интересно рассмотреть зарубежный опыт противодействия уголовному мошенничеству. Анализ англоязычных источников [57], [58], [59], [60], [61] показывает, что в государствах англосаксонской системы права уголовная ответственность за мошенничество не дифференцирована, при этом, выделяется так называемое «уголовное мошенничество» и «гражданское мошенничество» [58].

Действующая уголовно-правовая концепция относит мошенничество к группе преступлений против собственности совершаемых способом хищения. Основным критерием выделения преступлений внутри данной группы является особенный способ совершения хищения. В случае с мошенничеством: это завладение чужим имуществом, либо правом на имущество способом обмана или злоупотребления доверием. Способ хищения относится к объективной стороне мошенничества и будет подробнее рассмотрен далее.

Различные составы мошенничества законодатель относит к преступлениям различной степени тяжести. Все простые составы мошенничества «предусмотренных ст.ст. 159-159.6 УК РФ являются нетяжкими, поскольку ч. 1 ст. 159 УК РФ предусматривают максимальное наказание до двух лет лишения свободы, а части первый ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ не предусматривают в качестве наказания лишения свободы вообще» [44].

В свою очередь, в качестве преступлений средней тяжести признаются следующие квалифицированные составы: ч.ч. 2 и 5 ст. 159 УК РФ, ч. 2 ст. 159.1

УК РФ, ч. 2 ст. 159.2 УК РФ, ч.ч. ц ст. 159.3 УК РФ, ч. 2 ст. 159.5 УК РФ и ч.2 ст. 159.6 УК РФ. Анализ данных составов показывает, что в них предусмотрены такие квалифицирующие признаки, как предварительный сговор и значительный ущерб (кроме мошенничества при получении кредит и при получении социальных выплат «ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 159.1 и ч. 2 ст. 159.2 УК РФ), причинение значительного ущерба при осуществлении предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК РФ)» [44].

Тяжкими преступлениями признаются такие квалифицированные составы, как ч.ч. 3, 4, 6, 7 ст. 159 УК РФ, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.1 УК РФ, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.2 УК РФ, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.3 УК РФ, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.5 УК РФ и ч.ч. 3 и 4 ст. 159.6 УК РФ. Их анализ показывает, что в них предусмотрены такие квалифицированные признаки, как использование своего служебного положения, мошенничество, совершаемое организованной группой, в особо крупном размере, в особо крупном размере. «Особые квалифицирующие признаки предусмотрены для «предпринимательского мошенничества» в ч.ч. 6 и 7 ст. 159 УК РФ и для мошенничества в сфере компьютерной информации совершённого с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ)» [44].

В качестве промежуточных выводов, отметим, что прослеживается стремление законодателя структурировать систему норм об уголовной ответственности за мошенничество, что явно прослеживается на примере одинаковым по сути квалифицирующих составов всех рассматриваемых видов мошенничество. Исключение составляет мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, которое структурно отнесено к ст. 159 УК РФ. Данное решение законодатель принял в виду известной неудачной попытки введения в Особенную часть УК РФ ст. 159.4 УК РФ, в виде чего наличие состава предпринимательского мошенничества среди квалифицирующих признаков ст. 159 УК РФ является исключением из общего

правила построения системы норм об уголовной ответственности за мошенничество.

Кроме того, обращает на себя внимание очень схожая структура санкций, предусмотренная за простые составы мошенничеств (ст.ст. 159-159.6 УК РФ, за отдельным исключением) и за одинаковые виды квалифицирующих составов (большая часть составов мошенничеств относимых к средней тяжести наказывается лишением свободы на срок до 4-х, либо до 5 лет лишения свободы и одинаковым «набором» остальных наказаний). Данное утверждение справедливо и применительно к квалифицирующим составам мошенничеств, относимых к тяжким преступлениям. Если брать за основу то, что проведённая реформа 2012 году имела целью именно дифференциацию уголовной ответственности за мошенничество в зависимости от особенностей непосредственного объекта посягательства, то тогда возникает вопрос о целесообразности такого способа решения вопроса, поскольку и система квалифицирующих признаков, и размеры, виды санкций практически идентичны. Каким образом, в таком случае будет достигаться задача индивидуализации уголовной ответственности, определить не представляется возможным.

В этой связи отметим, что «далеко не всё учёное сообщество оценило правильность избранного законодателем пути по масштабной дифференциации уголовной ответственности за мошенничество. Критика данного решения осуществляется как в отношении отдельных видов мошенничества, например, мошенничества в сфере кредитования» [16, с. 43-46], «мошенничества в процессе страхования» [15, с. 136-141], «мошенничества в сфере компьютерной информации» [3, с. 154-157], «в сфере предпринимательской деятельности» [9, с. 32-36], так и относительно всей системы составов рассматриваемого преступления в целом [6, с. 43-49], [14, с. 49-52], [35, с. 44-46].

Так, проведённое в 2017 году С.М. Мкртчян социологическое исследование среди правоприменителей показало, что «абсолютное

большинство респондентов негативно оценивают нововведения и практику их реализации за период с 2012 по 2017 года» [16, с. 45]. В.К. Барчуков обращает внимание, что «непосредственный объект преступного посягательства мошенничества в сфере не отличается от объекта простого мошенничества, а использование компьютерной информации есть не что иное, как элемент объективной стороны преступного деяния» [3, с. 155].

Например, А.А. Маховская обращает внимание на то, что «после введения специальных норм об ответственности за мошенничество между последними и основной нормой возникла ранее отсутствовавшая конкуренция, что также породило проблему разграничения данных составов преступлений. Проведённую таким образом дифференциацию уголовной ответственности учёная считает неэффективной, указывает на отсутствие логики, поскольку без конкретизации остались другие не менее важные сферы общественных отношений, например медицина и строительство. Учёная полагает необходимым пересмотреть принятое законодателем решение по примеру повторения «судьбы» уголовной ответственности за мошенничества в сфере предпринимательской деятельности» [14, с. 50-51].

Ряд учёных отмечает, что «применённый законодателем способ дифференциации, который можно именовать казуистикой, был бы уместен только в том случае, если бы законодатель в качестве цели преследовал бы задачу существенно изменить пределы наказуемости выделенных деяний в сравнении с их основным составом. В частности, такую мысль высказал А.В. Иванчин» [7, с. 26]. Согласился с ним и В.А. Маслов [15, с. 140].

Д.Д. Харламов полагает, что в «рассматриваемом случае имело место отступление законодателем от постулатов науки уголовного права, указывая, что для целей уголовного права имеет значение только общий характер способа совершаемого хищения (существо которого составляет обман или злоупотребление доверием), а детализация и конкретизация такого способа в большей мере относится к задачам науки криминалистики» [35, с. 144].

Позиция данных учёных заслуживает на внимания, поскольку проведённое выше сравнение санкций и квалифицирующих признаков позволяет сделать вывод о том, что законодатель такую цель не преследовал. К тому же, «Решением Конституционного Суда РФ признавшим ст. 159.4 УК РФ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в которой она нарушает принцип равенства, фактически поставлена под сомнение возможность такой дифференциации (казуализации) в будущем. Если же речь идёт о том, что законодатель таким образом желал утвердить, актуализировать ответственность за мошенничество в определённых сферах (в том аспекте, в котором возможность совершения такого рода мошенничеств ставилась под сомнение судебной практикой или правоприменителем), то такую задачу можно было бы решить способом обобщения судебной практики на уровне Верховного Суда РФ, либо принятием ряда условно прецедентных решения ВС РФ, судами кассационной, либо апелляционной инстанций» [2, с. 136]. В связи с этим, представляется необходимым признать, что проведённая законодателем реформа уголовной ответственности за мошенничество не соответствует выработанным в результате многолетнего опыта положениям науки уголовного права.

В подтверждение высказанной позиции, процитируем Н.А. Лопашенко, которая высказала следующую точку зрения: «в условиях практически начатой подготовки нового уголовного законодательства совершенно необходимо, на мой взгляд, принять следующее правило формулирования уголовно-правовых норм Особенной части: казуистический путь конструирования составов преступлений должен максимально исключаться. Уголовно-правовой запрет нужно законодательно регламентировать так, чтобы он, не допуская в то же время аналогии, мог эффективно распространяться, быть применен к максимально большому количеству ситуаций, отличающихся не сутью преступного поведения (преступным деянием, включая преступный способ и преступные последствия), а его допустимыми к вариации характеристиками» [13, с. 510]

Отдельное внимание уделим видам и размерам санкций за совершение мошенничеств. Анализ составов преступления предусмотренных ст.ст. 159-159.6 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что за «совершение данного преступления, в качестве основного наказания могут быть назначены следующие санкции: штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, ограничение свободы, арест, лишение свободы. В качестве дополнительного наказания за отдельные составы мошенничества может назначаться ограничение свободы и штраф, которые назначаются дополнительно к лишению свободы» [2, с. 136].

Обратим внимание на то, что в настоящий момент «арест как вид уголовного наказания не применяется по причине отсутствия специальных учреждений для его исполнения. Из перечня предусмотренных законодательством видов наказания которые не указаны в санкции статей 159-159.6 УК РФ можно указать на содержание военнослужащего в дисциплинарной воинской части которое может применяться в качестве замены наказания связанного с лишением свободы на срок более 2-х лет, если характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности такой замены (ст. 55 УК РФ). Аналогично, по усмотрению суда, с учётом характера и степени общественной опасности совершённого преступления и личности виновного, может быть назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 47 УК РФ). Также, с учётом личности виновного, при условии совершения им тяжкого, либо особо тяжкого преступления, виновный может быть лишён специального звания, что предусмотрено ст. 48 УК РФ» [2, с. 136]. Согласно ч.ч. 3 и 4 ст. 15 УК РФ «к таким преступлениям относятся те составы мошенничества за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 лет лишения свободы и выше. К таким преступлениям относятся следующие: ч.ч. 3,4, 6,7 ст. 159 УК РФ, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.1 УК РФ, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.2 УК РФ, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.3 УК РФ, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.5 УК РФ и ч.ч. 3 и 4 ст. 159.6 УК РФ» [44].

Кроме того, в силу ч. 1 ст. 51 УК РФ «к военнослужащим осуждённым за любое преступление к исправительным работам, последние должны быть заменены на ограничение по службе» [44].

Из оставшихся видов уголовных наказаний в перечне, предусмотренном ст. 44 УК РФ, остаётся смертная казнь, пожизненное лишение свободы. «Данные вид наказаний в силу ст. 57 и 59 УК РФ не могут быть назначены за совершение мошенничества, поскольку данные преступления посягают на отношения собственности и объект посягательства не относится к перечисленным в данных нормах (жизнь, здоровье населения, общественная безопасность, общественная нравственность, половая неприкосновенность несовершеннолетних)» [2, с. 136].

Таким образом, можно сделать вывод, что «законодатель предоставляет суду возможность выбора широкого арсенала мер государственного принуждения в отношении лиц, совершивших различные виды мошенничества, что позволяет при определении размера и вида наказаний учитывать индивидуальные особенности совершённого преступления, личность виновного и прочие обстоятельства которые будут способствовать достижению цели уголовного наказания (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, общая и индивидуальная превенция)» [24, с. 76].

Подводя краткий итог рассмотрения вопроса об уголовной ответственности за мошенничество в современном уголовном законодательстве, отметим, что оно относится к преступлениям против собственности, обуславливает объект посягательства в виде отношений, складывающихся по поводу реализации права собственности на имущество. Мошенничество относится к группе преступлений, совершаемых способом хищения, которое также в качестве обязательного признака предполагает корыстную цель. Внутри данной группы преступлений, мошенничество выделяется способом совершения хищения: путём обмана или злоупотребления доверием, а также особенностью предмета посягательства, в

качестве которого выступает не только чужое имущество, но и право на имущество. Данный вид преступления может быть совершён только умышленно и преследовать корыстную цель. Законодатель посчитал целесообразным провести широкую дифференциацию ответственность за мошенничества, совершённые в различных сферах общественной жизни. Отличительными особенностями данных составов мошенничеств могут выступать субъекты преступления, способы совершения обмана или злоупотребления доверием.

Вопросы разграничения мошенничества и других имущественных преступлений всегда носили сложный, дискуссионный характер. Ещё большую сложность они приобрели в результате описанной реформы 2012 года.

При этом возникает большое количество проблем, связанных с квалификацией составов уже «внутри» системы норм о мошенничестве (ст.ст. 159-159.6 УК РФ).

В виду ограниченного объёма они не могут быть всесторонне рассмотрены в настоящей работе, однако подлежат анализу в основном исследовании.

Таким образом, за период с 2012 по 2018 года структура норм предусматривающих уголовную ответственность за мошенничество, их квалифицирующие признаки и содержания изменялись не менее 4-х раз, что косвенно указывает на несовершенство норм в той редакции в которой они были приняты в 2012 году (в 2016 году – применительно к мошенничеству в сфере предпринимательства).

В связи с этим, допустимо утверждать о необходимости проведения дальнейшей работы по-научному, практическому анализу содержания ст.ст. 159-159.6 УК РФ для выявления и решения проблем правового регулирования данного вида ответственности и практики его применения.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика основных составов мошенничества в уголовном законодательстве РФ (ст.ст. 159-159.6 УК РФ)

2.1 Объект мошенничества: общее и особенное

Значимость объекта любого преступления заключается в том, что его ценность для общества обуславливает необходимость его уголовно-правовой охраны.

Отметим, что в теории уголовного права на протяжении длительного времени существуют несколько противоположных подходов к определению (пониманию, концепции) объекта преступления. В общем представлении, это то, на что посягает преступное деяние, то, чему причиняется вред. В теории уголовного права наиболее распространённым являются функциональный и аксиологический подходы сторонниками и противниками которых высказываются различные аргументы [3, с. 100-106], [4, с. 20-26], [6], [13, с. 86-97]. Между тем, «согласно традиционно сложившемуся на данный момент представлению, под объектом преступления понимается определенный круг общественных отношений, взятых под охрану действующим уголовным законом» [31, с. 67]. В случае с мошенничеством как с одним из разновидностей преступлений против собственности, наиболее рациональным подходом представляется понимание объекта преступления как совокупности установленного порядка общественных отношений.

«Общепринятым является деление объектов на общий, родовой, видовой и непосредственный» [34, с. 125-130]. Кроме того, выделяются непосредственный факультативный объект (не обязательный, но вероятный при совершении определённого преступления). Отнесение конкретного состава преступления к тому или иному родовому или видовому объекту обуславливает структуру Особенной части УК РФ и расположение нормы об ответственности за конкретное преступление в ней.

С.А. Елисеев, под родовым объектом мошенничества понимает установленный порядок осуществления экономических отношений (функционирования экономики в целом). Видовым объектом определяет отношения связанные с надлежащей «реализацией права собственности, владения в отношении имущества. Непосредственный объект мошенничества определяется как общественные отношения, связанные с реализацией права собственности: права владения, пользования и распоряжения имуществом» [36, с. 149-151].

Преступления против собственности расположены в разделе VIII УК РФ, который имеет название «Преступления в сфере экономики». Исходя из этого, по мнению В.П. Ревина, «родовым объектом преступлений, предусмотренных разделом VIII УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность экономической сферы в России» [35, с. 51]. «Нормальная» деятельность, это такая, которая соответствует определённой «норме», установленному «стандарту». В целом, как представляется, идёт речь об функционировании экономики, в соответствии с установленными принципами экономической политики, такой, как свобода передвижения товаров, работ и услуг на территории России, свобода занятия предпринимательской и иной не запрещённой экономической деятельностью, защита и гарантии реализации права собственности и прочие конституционные предписания.

В.М. Веремеенко указывает, что «содержание указанного объекта составляют как производственные отношения данной социально-экономической формации, в основе которых лежат общественные отношения собственности, так и общественные отношения, существующие в хозяйстве страны и его частях, включающих отрасли и виды производства» [5, с. 45].

«Видовым объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией права собственности: права владения, пользования и распоряжения имуществом» [16, 78]. В.П. Ревин определяет «видовой объект мошенничества как

отношения собственности, нормальное функционирование сферы экономики, интересы службы в коммерческих и иных организациях» [35, с. 58]. Как мы можем наблюдать видовой объект, заключающийся в отношениях, связанных с реализацией права собственности, является одной из составляющей родового объекта, то есть отношений по нормальному функционированию экономики России, которое не возможно без функционирования правового режима собственности (как частной, так и государственной) и её защиты. Действующим уголовным законодательством предусмотрены равные гарантии защиты всех форм собственности: как частной, так и государственной.

Далее рассмотрим непосредственный объект мошенничества. Как известно, мошенничество является одной из форм хищений. А.В. Шеслер отмечает, что «непосредственным объектом хищений являются правоотношения собственности» [42, с. 146]. Таким образом, «для преступлений против собственности основные непосредственные объекты преступных посягательств совпадают. Все они, независимо от способа их совершения (нападение, открытое похищение чужого имущества, тайное похищение чужого имущества, обман или злоупотребление доверием, вымогательство и т.п.) тем или иным образом оказывают негативное воздействия на установленный порядок правоотношений (а значит и общественных отношений) собственности» [42, с. 147].

М.В. Веремеенко определяет непосредственный объект мошенничества как «общественные отношения собственности, независимо от ее формы, поскольку все формы собственности в РФ защищаются равным образом» [5, с. 45-46]. Отдельно учёный акцентирует внимание на том, что, как уже указывалось, уголовный закон в равной степени защищает как государственную так и частную формы собственности, в связи с чем, позиция отдельных учёных, выделяющих в качестве объекта отношения государственной и частной собственности, по мнению М.В. Веремеенко не имеет ни практической, ни теоретической ценности [5, с. 46].

Проанализировав доводы учёного, считаем, что с ними необходимо согласиться. При этом, как представляется, разделение собственности на государственную и на частную в контексте объекта уголовно-правовой охраны и предмета преступления, не имеет практической ценности, основано на относительно, недавней дифференциации имущественных посягательств по УК 1961 года.

Далее рассмотрим предмет мошенничества. Как известно, для мошенничества характерен предмет почти всех имущественных преступлений, это чужое имущество. Специфика мошенничества заключается в том, что кроме самого имущества, преступное посягательство может быть направлено и на завладение правом на такое имущество. Как мы видим, исходя из законодательного определения предмета преступлений против собственности, он состоит из двух главных признаков: во-первых, это имущество; во-вторых, оно чужое. «Представляется, что «чужое» имущество необходимо понимать, прежде всего, как не принадлежащее лицу, совершающему преступление, на праве владения, пользования или распоряжения. При этом если лицо завладело принадлежащим ему, например, на праве пользования, вещь изъяв её у другого лица, которому она, например, принадлежит на праве владения и распоряжения, такие действия, скорее необходимо квалифицировать как самоуправство, но не как какое-либо из преступлений против собственности. Лицо, совершающее преступления против собственности, осознаёт и понимает, что юридически имущество ему не принадлежит, у него отсутствуют на него законные права. При этом следует отделять от юридического статуса вещи, возможные представления лиц совершающих преступления, основанные на том, что они «возвращают награбленное, принадлежащее народу» и т.п.» [37, с. 72].

Далее определимся со второй составляющей предмета мошенничества «право на чужое имущество».

А.В. Анистратенко, рассматривая вопросы хищения по уголовному праву в своей научной статье, отмечает, что «имущество, как предмет

хищения, всегда носит материальный характер, является частью материального мира, то есть обладает признаком вещи и иных предметов, в создание которых вложен труд человека, и которые обладают объективной, материальной или духовной ценностью. Это физический признак имущества как предмета хищения» [1, с. 47]. Таким образом, «предмет хищения всегда должен обладать вещными признаками. Таковыми могут быть любые вещи, создаваемые человеком и обладающие материальной или духовной ценностью, деньги, ценные бумаги, имеющие нарицательную стоимость, документы, служащие эквивалентами денег» [14, с. 12].

В.П. Ревин указывает, что предметом хищения, а значит и мошенничества, «не могут быть предметы или объекты, хотя и имеющие ценность, но не созданные трудом человека (например, леса, рыбные, иные природные богатства, а также документы, дающие права на получение имущества). Противоправное завладение такими документами с целью получения и присвоения чужого имущества должно рассматриваться как приготовление к хищению, их предъявление уполномоченному лицу с той же целью - покушение на хищение. Документы, прямо представляющие права материального характера, например, проездные билеты, должны рассматриваться в качестве предмета хищения» [35, с. 39].

Позволим себе не согласиться в полной мере с данной позицией, поскольку она не соответствует текущим социально-экономическим тенденциям развития общества. В настоящий момент, в сферу экономической жизни общества активно вошли так называемые «электронные деньги» (криптовалюта, токены и прочие), которые могут выступать в качестве средства платежа. Наличие реальной экономической ценности таких объектов (не с точки зрения уголовного права) обуславливает и то, что последние стали объектом преступных посягательств. Соответственно возник вопрос о том, каким образом квалифицировать такие посягательства (в аспекте традиционно сложившейся в уголовном праве концепции имущества и права на имущества как предмета преступного посягательства).

Анализ действующего законодательства показывает, что в период с 2019 по 2022 года гражданский оборот указанных имущественных активов был окончательно легализован (до этого, их оборот пребывал в так называемой «серой зоне», поскольку не был прямо запрещён, но и отсутствовало предметное правовое регулирование). В результате внесения соответствующих изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 г. [7], [41] принятия отдельных федеральных законов [39], [40] в гражданский оборот вошли такие цифровые имущественные активы, как цифровые права, которые делятся на цифровые финансовые активы (подтверждают право требовать деньги) и цифровые утилитарные права (подтверждают право требования выполнения работ, оказания услуг или передачи вещи и прочие подобные действия утилитарного характера). Превосходящее большинство представителей гражданско-правовой науки определяет перечисленные объекты гражданского права как те же права требования имущественного характера, а отличие заключается только в форме их фиксирования (цифровая форма) и особенной среде обращения (в условиях функционирующей цифровой системы) [2, с. 111-119], [32, с. 5-6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что незаконное получения права на цифровые права (утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы) способом обмана и (или) злоупотребления доверием, будет соответствовать «праву на чужое имущество» как предмету преступного посягательства. Представляется, что такое понимание необходимо распространить и на те виды цифровых имущественных активов, которые в настоящий момент не получили надлежащего правового статуса, однако представляют собой реальную экономическую ценность. Например, речь идёт о криптовалюте (именуется в законодательстве как цифровая валюта, использование которой в качестве средства расчётов на территории Российской Федерации запрещено, но разрешено инвестирование и «продажа» нерезидентам и т.п.). В зависимости от содержания конкретного

имущественного актива он может быть определён в качестве имущества или права на имущество.

Далее рассмотрим особенности объектов других составов преступлений. Так, отдельными особенностями обладает объект дифференцированных составов мошенничества, предусмотренных ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ, в первую очередь, речь идёт о непосредственных объектах таких преступлений, как, мошенничество в сфере компьютерной информации (дополнительный непосредственный объект – «установленный порядок функционирования средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей), мошенничество в сфере страхования (дополнительный непосредственный объект – установленный порядок осуществления правоотношений по поводу страхования), мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (дополнительный непосредственный объект – установленный порядок осуществления предпринимательской деятельности), мошенничество, совершённое с использованием платёжных карт (установленный порядок использования платёжных карт), мошенничество при получении выплат (установленный порядок осуществления начислений и выплат пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат), мошенничество в сфере кредитования (установленный порядок кредитования)» [53, с. 286].

В подведение итогов написания настоящего параграфа, отметим, что родовым объектом мошенничества выступает нормальное функционирование экономики России в соответствии с принципами рыночной экономики, свободного перемещения товаров, работ и услуг по территории России, свободы осуществления предпринимательской и иной незапрещённой законом экономической деятельности, запрета недобросовестной конкуренции, защиты права собственности и равенства всех форм собственности и прочими принципами определёнными в действующем законодательстве. Видовым и непосредственным объектом мошенничества выступает совокупность отношений, определяющих установленный порядок

реализации общественных отношений собственности. Это как отношения собственника к объекту собственности определяющих возможность свободно владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, так и отношения собственника со всеми иными участниками правоотношений, определяющие их обязанность воздержаться от совершения действий, посягающих на собственность.

К предмету мошенничества относится имущество и право на имущество. Цифровые права и прочие цифровые активы, в зависимости от их экономического и правового содержания, необходимо относить к предмету преступного посягательства мошенничества и других преступлений против собственности.

2.2 Объективная сторона мошенничества: общее и особенное

В научной литературе, объективная сторона как признак преступления, рассматривается в нескольких формах. Как отмечают А.Н. Попов, Л.А. Зимирева и П.В. Федышина, «понятие «объективная сторона» ... может означать: научную абстракцию, характеризующую внешнюю сторону поведения человека как преступления. В этом случае правильно употреблять понятие «объективная сторона состава преступления»; законодательную конструкцию, описывающую объективные признаки конкретного состава преступления, предусмотренного определенной статьей УК РФ. Данному случаю соответствует понятие, например, «объективная сторона состава убийства»; внешнюю сторону совершенного субъектом преступления. В этом случае справедливо употребление понятия «объективная сторона преступления» [21, с. 4-5].

В соответствии с ч. 1 ст. 159 УК РФ мошенничество заключается в хищении чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Как известно, имеется общая легальная дефиниция хищения, содержащаяся в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, согласно которой «под хищением ... понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [38].

«Особенность способа совершения хищения при мошенничестве заключается в том, что происходит мнимая добровольность передачи имущества. Собственник или иной владелец имущества сам передает его (дает согласие на передачу) виновному или другому лицу, т.к. считает действия виновного правомерными либо хотя и неправомерными, но не связанными с преступным изъятием имущества» [37, с. 72]. Пунктом первым Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 так же добавляется указанием на то, что лицо, кроме этого, может и не препятствовать «изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами» [22], очевидно, пребывая в состоянии обмана или заблуждения. Отметим, что аналогичные позиции присутствовали в действующем ранее Постановлении Пленума ВС РФ № 51 от 27.12.2007 год [23].

«Способом изъятия имущества выступает обман или злоупотребление доверием» [37, с. 72]. Рассмотрим данные способы совершения мошенничества подробнее.

«Под обманом понимается умышленное сокрытие или искажение истины, т.е. сообщение в той или иной форме владельцу имущества недостоверных сведений (активный обман), или несообщение ему достоверных сведений, когда лицо сознает, что потерпевший действует под влиянием ошибки, а на получателе лежит обязанность по доведению соответствующих сведений (пассивный обман). В результате обмана у потерпевшего возникает заблуждение в определенных обстоятельствах (фактах), а в результате такого заблуждения он «добровольно» передает имущество виновному» [37, с. 72]. Кроме этого, в соответствии с п. 2

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, обман может состоять в «умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги, или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение» [22].

Так, например, «Артюхову Р.В. стало известно от незнакомой ему Б, что мужа последней, Б, задержали сотрудники полиции, что тому необходима юридическая помощь и у Артюхова Р.В. возник преступный умысел на хищение денежных средств у Б путем обмана» [24]. А именно, Р.В. Артюхов предложил помощь последней в поиске юриста и взял для этих целей определённую денежную сумму. «Б, не подозревая о преступных намерениях Артюхова Р.В., согласилась на его предложение и тут же передала ему деньги в сумме ... рублей» [24].

Отмечается, что «сложность для реального правоприменения состоит в том, что действующее российское уголовное законодательство не содержит понятия обмана» [55, с.471] Кроме того, в теории уголовного права существует дискуссия относительно соотношения вышеуказанных способов совершения мошенничества. Данные обстоятельства вынуждают нас обратиться как к научным изысканиям в данной области, так и к существующей судебной практике.

Кузнецова А.Н. указывает, что «в юридической литературе предлагается следующая группировка отдельных видов мошеннических обманов: 1) обманы в отношении личности (существования, тождества, особых свойств личности и др.); 2) обманы относительно различных предметов (их существования, тождества, размера, качества, цены и др.); 3) обманы по поводу различных событий и действий; 4) обманы в намерениях (ложные обещания)» [11, с. 67].

В вышеуказанном постановлении Пленума Верховного суда РФ обман раскрыт через три его разновидности: «1) сообщение ложных сведений; 2) умолчание об истине; 3) действия, вводящие в заблуждение. Первые две разновидности традиционны для понимания обмана, а вот третья – характеризует поведение виновного не только с точки зрения информационного характера, а также через телодвижение» [15, с. 68].

Так же, как отмечается И.А. Киселёвой и П.Г. Марфициным, «по форме выражения обман может быть устным, письменным, выражаться в действиях, в том числе конклюдентных. По своему уголовно-правовому значению все эти формы равнозначны, а виновный делает выбор в пользу одной из них, исходя из конкретной обстановки, характера совершаемого преступления и других условий. С точки зрения уголовного судопроизводства любая из этих форм выражения обмана должна быть установлена и точно изложена в конкретных уголовно-процессуальных актах» [15, с. 91-92].

Далее рассмотрим способ совершения мошенничества, который заключается в злоупотреблении доверием. В первую очередь, отметим, что попытка раскрыть данный способ совершения преступления содержится в п. 3 Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, согласно которого, «злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица либо личными или родственными отношениями лица с потерпевшим» [22]. Кроме этого, вышеуказанный пленум определяет, что «злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты

за поставку товара, если оно не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства)» [22].

Как указывает Д.Г. Мороз, «в литературе, посвященной уголовно-правовой природе злоупотребления доверием, дискутируются в основном три спорных вопроса. Во-первых, о содержании самого понятия «злоупотребление доверием», во-вторых, о соотношении понятий «злоупотребление доверием» и «злоупотребление доверчивостью», и, в-третьих, является злоупотребление доверием самостоятельным способом совершения преступления или разновидностью обмана» [20].

«При этом, можно выделить следующие основные позиции относительно злоупотребления доверием: 1) злоупотребление доверием это нарушение виновным юридически обусловленных полномочий по, владению, пользованию, распоряжению чужим имуществом; 2) злоупотребление доверием это использование виновным убежденности потерпевшего в его добросовестности и честности; 3) комбинированный подход, заключающейся в объединении юридических полномочий и убежденности в добросовестности и честности виновного» [20].

Довольно часто суды и органы предварительного расследования, формулируя выводы о виновности лица в совершении мошенничества вменяют последнему и обман и злоупотребление доверием. До конца не понятно, в связи с чем, наблюдается данная тенденция: сторона обвинения перестраховывается вменяя оба признака или практика применения пошла по принципу отождествления обмана и злоупотребления доверием.

Так, например, лицу, совершившему серию преступлений связанных с завладением чужим имуществом под предлогом снятия порчи, вменили как обман, так и злоупотребление доверием [25]. Применительно к рассматриваемому случаю, отметим, что суд, среди прочего указал, что осужденная сообщила потерпевшим заведомо ложные сведения о том, что на последних «наложена порча», то есть обманул, после чего, сообщил о необходимости проведения соответствующих обрядов с её золотыми

изделиями, после чего, последние будут возвращены, получила их от доверившейся потерпевшей, в результате чего, завладела ими, то есть злоупотребила доверием. В данном случае, как представляется действия виновной необходимо квалифицировать исключительно как злоупотребление доверием, поскольку именно в результате обещания совершения определённых обрядов, для чего необходима временная передача имущества, преступник завладел чужим имуществом. Первоначальный обман о том, что на жертве имеется порча, сам по себе, не составляет объективную сторону в рассматриваемом случае, поскольку не позволяет завладеть имуществом (а именно в этом и состоит по большому счёту цель совершения преступных действий), он только создаёт необходимые условия, облегчает совершения преступления путём создания в сознании потерпевшего соответствующих убеждений и представлений.

Так же обратим внимание на следующие примеры. Так, в целях покупки комплектующих деталей для персонального компьютера по низкой цене, к Кабакову А.В. обратился его знакомый, после чего у Кабакова А.В. возник корыстный преступный умысел, направленный на хищение имущества и денежных средств знакомого под предлогом покупки деталей для персонального компьютера, а также под предлогом продажи имеющихся у знакомого. бывших в употреблении деталей от персонального компьютера, то есть путем обмана и злоупотребления его доверием [26]. В рассматриваемом случае, как представляется, имеет место и обман и злоупотребление доверием.

Еремин И.Л., неоднократно встречался с гражданином А. на лестничной площадке у входной двери в общий коридор, где под вымышленными предложениями просил у гражданина А в долг денежные средства, которые обещал со временем вернуть, не имея возможности и намерений их вернуть. Гражданин А., введенная в заблуждение, не догадываясь о преступных намерениях Еремина И.Л., и доверяя последнему, передала Еремину И.Л. денежные средства на общую сумму 28 000 рублей, которые

последним были похищены [27]. Данная ситуация типичная и одна из наиболее характерных для мошенничеств.

Применительно к моменту окончания мошенничества отметим, что в соответствии с п. 4 Пленума ВС РФ № 51 от 27.12.2007 года, данное преступление «признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению» [23].

Далее рассмотрим особенности объективной стороны (прежде всего, способов хищения) у мошенничеств ответственность за которые предусмотрена в ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ.

Так, в ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования», «способ совершения хищения: представление банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Предоставление сведений может совершаться как в устной (например, при оформлении потребительского кредита, «быстрого» кредита на бытовые нужды), так и в письменной (предоставление поддельных документов и т.п.). Как правило, предоставленная заемщиком информация удостоверяется личной подписью заёмщика, что во многом облегчает в последующем установления факта обмана» [38].

В ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием платежных карт», «наказуемым является хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации» [38].

Применительно к данному виду преступлений отметим, что в науке уголовного права рассматривается вопрос об отнесении платёжной карты к предмету или средству совершения преступления.

Так, по мнению Е.А. Корепанова, «платежную карту необходимо назвать средством совершения преступления по следующим причинам:

1) при утрате платежной карты либо ее хищении у собственника не уменьшается объем имущества. Имущество собственника может уменьшиться только при последующем совершении действий виновного с платежной картой;

2) похитить безналичные денежные средства возможно не только при помощи платёжной карты, но и при помощи иных платежных средств, например, путем изготовления поддельных платежных документов, поддельного паспорта, мобильных телефонов, а также через системы мобильного банкинга. То есть все эти средства совершения преступления направлены на один и тот же предмет преступления -безналичные денежные средства, расположенные на банковском счете держателя карты. И только после изъятия предмета преступления (безналичных денежных средств, расположенных на банковском счете) можно говорить о нарушении общественных отношений собственности» [12, с. 135-140].

В ст. 159.5 УК РФ, «Мошенничество в сфере страхования» «наказуемым является хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу» [38]. Такой обман по сути так же заключается в предоставлении информации, документов не соответствующих действительности. Кроме этого, он предполагает совершению определённых активных действий, направленных на «имитацию» страхового случая.

М.В. Степанов выделяет следующие особенности данного состава преступления: «предмет рассматриваемого преступления включает только чужое имущество, а объективная сторона характеризуется лишь хищением. По мнению учёного, эти особенности вступают в противоречие с материнским составом мошенничества, предусмотренным ч. 1 ст. 159 УК РФ, предмет которого, в свою очередь, кроме имущества, закрепляет право на имущество,

с объективной же стороны, кроме хищения, допускает совершение преступления в форме приобретения права на имущество» [33, с. 161].

При этом, отдельные учёные, в частности М.М. Макаренко указывают, что «мошенничество в сфере страхования — это всегда хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество...» [19, с. 25]. В свою очередь, буквальное понимание содержания диспозиции не дает оснований для подобного вывода.

Также М.В. Степанов утверждает, что «характерный для любого мошенничества способ, связанный с обманом или злоупотреблением доверием, в рамках рассматриваемого состава ограничен лишь обманом. В этой связи можно предположить, что, по мнению законодателя, злоупотребление доверием не присуще страховым отношениям, что вряд ли оправданно» [33, с. 164].

В ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», «наказуемым является хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» [38]. Данный вид мошенничества является специфическим, совершаемым с использованием специальных знаний в сфере компьютерных технологий, в частности – программирования и т.п.

Применительно к данному виду мошенничества, отметим, что отдельные ученые высказывают мнения о нецелесообразности существования нормы в данном виде. Так, Р.Б. Иванченко и А.Н. Малышев, утверждают, что, «учитывая специфику предмета, способа и средств совершения анализируемых преступлений, в УК РФ следует предусмотреть статью «Хищение с использованием компьютерной информации», в которой установить ответственность за хищение чужого имущества или обращение права на имущество в пользу виновного или третьих лиц вне зависимости от

способа хищения, если при этом используется несанкционированное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» [9, с. 198].

Отметим, что «проблема целесообразности и эффективности введения отдельной нормы о кредитном мошенничестве действительно имеет место, поскольку, последующим анализом, будет показано, что далеко не все действия по получения кредита в банке в целях его хищения, охватываются объективной стороной ст. 159.1 УК РФ, а значит подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ» [37, с. 72].

Так предлагаем обратить на, как представляется проблему диспозиции ст. 159.1 УК РФ, которая также находит своё отражение и в судебной практике. «Специальным способом обмана в ст. 159.1 УК РФ является предоставление заведомо ложных и недостоверных сведений. Как показывает практика применения данной нормы и обыкновенная логика, речь идёт о введении в заблуждение представителей банка (кредитной организации) относительно таких своих характеристиках, действительная информация о которых в случае донесения до сведения банка, будет иметь своим последствием отказ в предоставлении кредита. В качестве альтернативного варианта, банк может быть введён в заблуждение относительно действительной личности лица, берущего кредит» [37, с. 72].

При этом, можно сделать вывод о том, что обозначенная выше редакция нормы, не позволяет привлекать по ней к уголовной ответственности то лицо, которое при получении кредита предоставила в отношении себя достоверные сведения, действительные документы. При этом, если такое лицо изначально не намеревалось выполнять свои обязательства по возврату денежных средств, то в его действиях будет иметь место состав мошенничества. В виду того, что способ совершения мошенничества в сфере кредитования предусмотренное ст. 159.1 УК РФ носит конкретно-определённый характер, то обозначенный вариант деяния не может быть квалифицирован по данной норме. Наиболее

вероятной квалификацией будет «общий» состав мошенничества предусмотренный ст. 159 УК РФ. Такой позиции придерживается и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в соответствующем постановлении. Однако возникает вопрос в самой целесообразности выделения отдельного состава мошенничества в сфере кредитования (очевидно, что по признаку конкретизированного объекта), если часть мошеннических посягательств на данный объект всё равно необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ. Представляется, что в данном случае имеет место законотворческий недочёт: законодатель стремился выделить в отдельный состав мошенничество в сфере кредитования, но не охватил все способы его совершения, что повлекло к необходимости квалификации части мошенничеств в сфере кредитования по общей норме предусматривающей ответственность за мошенничество. Представляется, что данный недочёт должен быть устранён, способом «расширения» объективной стороны (способа совершения) кредитного мошенничества в ч. 1 ст. 159.1 УК РФ.

2.3 Субъективная сторона мошенничества: общее и особенное

В теории уголовного права выделяют следующие структурные признаки субъективной стороны преступления: «вина, мотив, цель и эмоциональное состояние лица. Как и в случае с объективной стороной, обязательное значение для всех без исключения преступления имеет только вина. Все остальные признаки являются факультативными, обязательными только при специальном указании на это в конкретной статье Особенной части УК РФ» [37, с. 72].

Субъективная сторона мошенничества характеризуется виной в виде прямого умысла. В частности, В.П. Ревин указывает, что «при совершении мошенничества, виновный осознает, что завладевает чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, предвидит, что своими действиями наносит материальный ущерб, и желает его причинить» [35, с. 41].

Отдельные проблемы на практике, как правило, вызывает доказывание наличие в действиях виновного, умышленной формы вины. В этих целях Пленум ВС РФ № 51 от 27.12.2017 году «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указал на определённые «ориентиры». В частности, в соответствии с п. 5 данного Пленума, «в случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него. О наличии умысла, направленного на хищение, могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство или необходимой лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору, использование лицом фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества, создание лжепредприятий, выступающих в качестве одной из сторон в сделке» [22].

«Понимание корысти как цели преступления не содержится в законодательстве, судебная практика и доктрина по этому поводу неоднозначна. В частности, вызывает дискуссии вопрос о том, как правильно оценивать действия лица, обращающего имущество, либо право на имущество в пользу третьих лиц не причастных к хищению» [37, с. 72]. Данные вопросы также подлежат детальному рассмотрению в ходе основного исследования. Как отмечает А.В. Корнеева, «мотив и цель как факультативные признаки субъективной стороны преступления имеют значение для уголовно-правовой квалификации лишь при совершении умышленных преступлений» [10, с. 77].

«Сущность корыстного мотива при хищении состоит в побуждениях паразитического характера, в стремлении удовлетворить свои материальные потребности за чужой счет противоправными способами, путем завладения имуществом, на которое у виновного нет никаких прав.

Корыстная цель при хищении заключается в стремлении получить фактическую возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным. Незаконное изъятие чужого имущества без корыстной цели, не образует хищения. Такие действия, при соответствии другим признакам состава преступления, должны квалифицироваться по ст. 165 УК РФ как причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием» [37, с. 72]. Подробней разграничение мошенничества и обозначенного состава преступления будет рассмотрено в последующих главах настоящего исследования.

Далее рассмотрим отдельные особенности формы вины предусмотренных в дифференцированных видах мошенничества. Обращает на себя мошенничество в сфере кредитования, ответственность за которое предусмотрена ст. 159.1 УК РФ.

Так, возникает вопрос о том, «является ли необходимым условием для возбуждения уголовного дела и привлечения к уголовной ответственности по ст. 159.1 УК РФ, окончание всех сроков, которые согласно кредитному договору, даются заёмщику для его выплаты. Ведь факт сообщения ложных сведений «не равно» тому, что человек хотел противоправно обратить в своё владение чужое имущество и не возвращать полученные в кредит деньги. Он свидетельствует только о том, что человек обманом получил кредит, но не о том, что он не намеревается его возвращать. Как в таком случае рассматривать ситуацию, если, например, официально не трудоустроенное лицо, сообщает банку ложные сведения о том, что оно не трудоустроено, получает кредит, а в последствии его возвращает, или намеревается его возвращать, или не вернуло по иным причинам, не связанным с наличием умысла на хищение денежных средств? Отсутствие умысла гарантировано должно означать и отсутствие в

действиях состава преступления, это является одним из основополагающих истин в уголовном праве. К тому же, как в таком случае быть с тем, что объективная сторона хищения будет отсутствовать, поскольку денежные средства обращаются в пользу «виновного» не безвозмездно (лицо намеревается их вернуть) и, в итоге, не причиняют последнему «преступного» ущерба по причине их возврата. В данном случае необходимо разграничивать имущественный ущерб, причинённый преступлением и гражданско-правовой вред, например, недополученных от заёмщика части кредита, пени и штрафов и т.п.» [37, с. 72].

Анализ судебной практики, показывает, что суды при решении вопроса о наличии в действиях подсудимого умысла на совершение мошенничества при получении кредита, должны прийти к выводу о наличии в действиях последнего прямого умысла на завладение кредитными денежными средствами в момент обращения за получением кредита с предоставлением недостоверных сведений или поддельных документов. Анализ судебных решений показывает, что в основном, суды обосновывают вывод о наличии в действиях виновного умысла, тем, что последний знал, что не имеет реальной экономической возможности выполнить обязательства по кредиту а также то обстоятельство, что последний на протяжении длительного срока не выполнял обязательства по возврату кредиторской задолженности, либо не погасил её по завершению всего срока на который был предоставлен кредит [28], [29]. В одном из судебных решений, например, указывается следующее: «получив вышеуказанную сумму, Усманов Н.Ф. распорядился денежными средствами по своему усмотрению, не внося в дальнейшем ни одного платежа в счет погашения займа, тем самым похитив денежные средства» [30]. Данную практику следует признать правильной. Представляется, что на уровне постановления пленума ВС РФ «необходимо обратить внимание нижестоящих судов на необходимость тщательного похода к установлению умысла лица, на совершение мошенничества при получении кредита, в частности выяснять вопрос о том, какими доказательствами подтверждается наличие корыстной

цели, безвозвратность обращения денежных средств, имущественный ущерб причинённый банку. В качестве основного, но не обязательного ориентира в данном направлении, необходимо указать на фактическое невыполнение должником по кредитному договору своих гражданско-правовых обязательств по возврату полученных денежных средств» [37, с. 72].

Далее обратим внимание на особенности субъективной стороны мошенничества при получении выплат, ответственность за которое предусмотрено ст. 159.2 УК РФ. Необходимым условием для привлечения лица к ответственности по данной статье является направленность его умысла, которым может охватываться не только предоставление заведомо ложных сведений, недостоверных сведений, либо умолчание о фактах, но и предварительное получение таким образом документов (справок, удостоверений или сертификатов), которые являются основаниями для получения таких выплат. Согласно абз. 2 п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 г. № 48 такие действия не входят в состав объективной стороны мошенничества, и, в случае, если преступный умысел не будет доведён до завершения, они могут быть квалифицированы как приготовление к совершению преступления. При этом, важно, чтобы умысел лица при получении таких документов был направлен именно на последующее незаконное получение соответствующих выплат.

«Если лицо путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах получило документ (справку, удостоверение, сертификат и пр.), подтверждающий его право на получение социальных выплат, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось им для получения социальных выплат, содеянное следует квалифицировать в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству при получении выплат, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умысел лица был направлен на использование данного документа для совершения преступлений» [38], предусмотренных частями 3 или 4 статьи 159.2 УК РФ.

В подведение итогов рассмотрения вопроса о субъективной стороне основных составов мошенничеств, предусмотренных статьями 159-159.6 УК РФ сделаем вывод о том, что субъективная сторона данных преступлений всегда заключается в наличии преступного умысла, а также корыстной цели. «Наличие прямого умысла при отсутствии корыстной цели должно образовывать состав преступления, предусмотренный ст. 165 УК РФ (причинение имущественного вреда способом обмана и (или) злоупотребления доверием). Прямой умысел при совершении мошенничества означает, что лицо осознаёт общественную опасность своих действий, которые выражаются в обмане и (или) злоупотреблением доверием другого лица (собственника, владельца имущества, лица, которому это имущество доверено и т.п.), предвидит, что в результате таких действий возможно и неизбежно наступят последствия в виде нарушения права собственности законного собственника в отношении конкретного имущества либо незаконное противоправное отчуждение права на такое имущество, и желает наступления таких последствий» [37, с. 72].

Корыстная цель при совершении мошенничества предполагает, что посредством совершения преступления и отчуждения имущества либо права на имущество, лицо, совершившее преступления либо иные лица по его желанию, получают незаконное и необоснованное обогащение (имущественную, экономическую выгоду).

2.4 Субъект мошенничества: общее и особенное

Принято выделять общий и специальный субъект преступления. «Общим субъектом преступления признаётся лицо, соответствующее признакам, закреплённым в ст. 19 УК РФ. Субъектом преступления может быть только физическое лицо, которое достигло возраста, с которого наступает уголовная ответственность (для всех видов мошенничества это 16-летний возраст), обладающее признаком вменяемости» [44].

В свою очередь, под специальным субъектом преступления принято понимать тот субъект, который должен соответствовать определённым обязательным признакам, выделяющим его в сравнении с другими физическими лицами, соответствующими общим критериям субъекта преступления. При этом, специальный субъект преступления должен соответствовать как общим (закреплённым в ст. 19 УК РФ), так и специальным признакам субъекта. Отметим, что «в составах мошенничества предусмотренных ст.ст. 159-159.6 УК РФ в основном предусмотрен общий субъект преступления, но имеются и отдельные исключения. В частности, субъектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ может выступать лицо, занимающее определённое служебное положение. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч.ч. 5 и-7 ст. 159 УК РФ может быть осуществлено только гражданином наделённым статусом предпринимателя, либо занимающим должностное положение в юридическом лице – субъекте предпринимательской деятельности, действующем от имени такого лица). При совершении мошенничеств, предусмотренных ч.ч. 3 ст.ст. 159.1-159.3, 159.5-159.6 УК РФ субъектами преступлений выступают лица использующие своё служебное положение» [37, с. 72].

Перечисленные виды субъектов подробнее будут рассмотрены в следующей главе посвящённой уголовно-правовому анализу квалифицированных и особенно квалифицированных составов преступлений. Специальный субъект также предусмотрен в отдельных составах мошенничества, в частности в ст. 159.1 УК РФ им выступает заёмщик по кредитному договору. Данный состав мошенничества является простым, а, следовательно, его субъект будет рассмотрен в настоящем параграфе [52, с. 412].

Далее вернёмся к анализу общего субъекта мошенничества. Как уже указывалось, им может выступать физическое вменяемое лицо, достигшее в момент совершения преступления 16-летнего возраста.

«К физическим лицам следует относить граждан России, иностранцев, лиц без гражданства. Общеизвестно, что на данный момент, юридические лица не могут быть субъектами преступления» [37, с. 72].

Интересно отметить, что законодатель не установил для мошенничества «пониженный» возрастной порог наступления уголовной ответственности, который, например, предусмотрен для всех составов «тайного хищения чужого имущества (ст. 20 УК РФ предусматривает наступление уголовной ответственности за данный вид преступления с 14-летнего возраста)» [44]. Принято считать, что возраст, с которого наступает уголовная ответственность, должен определяться тем моментом, с которого ребёнок (лицо до 18-летнего возраста) способен понимать и осознавать общественную опасность своих действий. В этом аспекте принципиальной разницы между тайным хищением чужого имущества, открытым хищением чужого имущества, а также хищением чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием, не наблюдается. Возникает неопределённость правоприменения обусловленная общеизвестной трудностью разграничения отдельных случаев кражи, грабежа и мошенничества (типичная ситуация: «взял телефон позвонить и убежал» и т.п.). В зависимости от «выбора» следователя, прокурора и судьи способа квалификации многих очень сходных действий, действия 14-15 летнего подростка могут быть квалифицированы как тайное или открытое хищение чужого имущества и он понесёт уголовную ответственность, либо как мошенничество, что позволит принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела или прекратить уже возбуждённое по реабилитирующим основаниям (в связи с отсутствием состава преступления). Тем более эта проблема актуализируется в связи с распространённостью в практической деятельности уголовно-процессуального института признания вины, который предполагает согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением, которое приводит к тому, что суд фактически устраняется от исследования и оценки в суде доказательств вины такого лица, а лицо получает для него приемлемый с точки зрения уголовно-правовых последствий результат.

Проблема разграничения пограничных составов кражи и мошенничества будет рассмотрена в последующих главах. Тут лишь отметим, что сама ситуация, когда конкурирующие и во многом сходные составы (в том числе с позиции общественной опасности деяний) двух имущественных преступлений (кража и мошенничество) имеют различные нижние возрастные «пороги» наступления уголовной ответственности, выглядит неправильной как с концептуальной, так и с практической точки зрения. Представляется, что нижний порог привлечения к уголовной ответственности должен быть уравнен для рассматриваемых видов преступления (ст.ст. 158, 159 и 161 УК РФ).

Далее рассмотрим такой признак субъекта мошенничества, как вменяемость. «Вменяемость (от слова «вменять» в смысле «вменять в вину») - в широком, общеупотребительном значении этого слова означает способность нести ответственность перед государством за свои действия. В уголовном праве данное понятие употребляется в узком, специальном смысле, как антитеза понятию невменяемость. Именно этим последним термином оперирует уголовный закон. Иными словами, вменяемость представляет собой состояние не являющееся невменяемостью. Из этого положения закона можно заключить, что вменяемость - это такое состояние психики, при котором человек в момент совершения общественно опасного деяния может осознавать значение своих действий и руководить ими и потому способен быть ответственным за свои действия» [118].

С учётом объекта и объективных признаков мошенничества, состояние вменяемости в процессе совершения мошенничества должно предполагать осознание преступником совершаемого им общественно опасного действия в виде противоправного завладения чужим имуществом, либо правом на такое имущество, и способен руководить такими действиями, в том числе, отказаться от их совершения. С учётом этих факторов, лицо должно быть признано вменяемым и способным нести ответственность за совершение мошенничества.

Далее обратим внимание на специальные субъекты простых составов мошенничеств, предусмотренных частями первыми ст.ст. 159-159.6 УК РФ.

Так, субъектом мошенничества в сфере кредитования может выступать только специальный субъект, - лицо, которое наделено статусом заёмщика. В соответствии ч. 1 ст. 819 ГК РФ, «банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются по кредитному договору предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее» [8]. Таким образом, заёмщик это тот, кто согласно договора кредитования получает денежные средств в пользование на определённый период времени с условием об их возврате и уплате процентов за пользование предоставленными денежными средствами [16]. Уголовной ответственности по указанной норм подлежит только тот заёмщик, которые, предоставил недостоверные сведения либо подложные документы.

Согласно абз. 2 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, для целей применения указанной нормы, под заёмщиком необходимо понимать лицо, которое обратилось «к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица» [22]. Таким образом, речь идёт не сколько о лице, которое соответствует признакам заёмщика определённым в гражданском законодательстве, сколько о лице, которое совершило действия, направленные на получение кредита. Пленум ВС РФ не уточняет, каким образом и в какой форме может иметь место такое обращения. Например, будет ли считаться заёмщиком для целей ст. 159.1 УК РФ лицо, заполнившее анкету в «онлайн режиме» посредством сети Интернет. Представляется, что препятствий для квалификации таких действий по ст. 159.1 УК РФ нет, при условии, что такой способ обращения за получением кредита предусмотрен самой кредитной организацией, лицо, заполняющее такую заявку в «онлайн режиме» осознаёт

данное обстоятельство и действует с реальным намерением получить кредитные средства способом обмана или злоупотребления доверием.

Что касается субъектов других видов мошенничеств, предусмотренных частями первыми ст.ст. 159.2-159.6 УК РФ, то последние являются общими субъектами преступления. Например, в случае с субъектом мошенничества при получении выплат ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, отмечается, что субъектом такого преступления может быть любое лицо, которое обратилось за получением выплат. В случае же, если лицо обратилось за получением выплат и выдало себя за другое лицо, то такие действия должны быть квалифицированы по ст. 159 УК РФ. Что касается мошенничества в сфере страхования, ответственность за совершение которого предусмотрена в ст. 159.5 УК РФ, то субъект данного преступления также является общим. Таким образом, как мы можем наблюдать, несмотря на то, что сферы получения выплат (например, социальных, пенсионных), сфера страхования представляют собой обособленную группу общественных отношений, урегулированных соответственно социальными, пенсионным, страховым и иным законодательством, а участники этих отношений обладают обособленным правовым статусом, уголовный закон не предполагает необходимость соответствия субъекта преступления определённым специальным признакам.

Отдельно обратим внимание на особенности квалификации действий лиц не соответствующих признакам специального субъекта преступления, которые совершили объективную сторону тех составов мошенничеств, для которых наличие специальных признаков субъекта является обязательным. По общему правилу, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ, такое лицо должно нести уголовную ответственность в качестве организатора, подстрекателя, либо пособника в совершении преступления [17].

В подведение итогов рассмотрения уголовно-правовой характеристики основных составов мошенничества (ст. 159-159.6 УК РФ), сделаны следующие выводы:

- имущество, как предмет мошенничества, всегда носит материальный характер, является частью материального мира, то есть обладает признаком вещи и иных предметов. С учётом современных социально-экономических реалий право возникающие в связи с обладанием такими цифровыми объектами, как цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровые утилитарные права (по сути, право требования передачи вещи, либо совершения иного действия имущественного характера зафиксированное в цифровой форме) должно охраняться в т.ч. и уголовным законом, а следовательно, завладение такими правами путём обмана или злоупотреблением доверием должно квалифицироваться по соответствующей норме Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение мошенничества.
- как показывает судебная практика, наибольшие сложности в доказывании вины лиц, совершивших мошеннические действия, является установления в их действиях умысла на совершение преступления. Мошенничество может быть совершено только с умышленной формой вины. Умысел может быть, как прямым, так и косвенным. Лицо, совершающее мошенничество осознаёт и понимает, что юридически имущество ему не принадлежит, у него отсутствуют на него законные права. При этом следует отделять от юридического статуса вещи, возможные представления лиц совершающих преступления, основанные на том, что они «возвращают награбленное, принадлежащее народу» и т.п.
- субъект мошенничества общий, уголовной ответственности за совершение данного преступления подлежат лица, достигшие 16-летнего возраста. Существует проблема несоответствия «нижних» возрастных порогов привлечения к уголовной ответственности за кражу (ст. 158 УК РФ, ответственность наступает с момента

достижения 14-летнего возраста), грабёж (ст. 161 УК РФ, ответственность наступает с момента достижения 14-летнего возраста) и мошенничество (ст. 159 УК РФ ответственность за совершение которого наступает с 16-летнего возраста), которая выражается в наличии сходных по своим признакам деяний связанных с завладением чужим имуществом, которые в зависимости от усмотрения правоприменителя, могут быть квалифицированы различным образом. Данная проблема порождает необходимость приведения низшего возрастного порога привлечения к уголовной ответственности к «единому знаменателю». Предположительным способом решения обозначенной проблемы видится понижение возрастного порога привлечения к уголовной ответственности за мошенничество до 14-летнего возраста.

Глава 3 Квалифицированные и особо квалифицированные составы мошенничества, их влияние на квалификацию и ответственность

3.1 Квалифицированные составы мошенничества, их влияние на квалификацию и ответственность

Анализ составов преступлений, предусмотренных статьями 159-159.6 УК РФ, позволяет выделить и систематизировать следующие квалифицирующие признаки указанных составов преступлений:

- совершённое группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.1, ч. 2 ст. 159.2, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6 УК РФ)
- совершённое с причинением значительного ущерба потерпевшему (ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6 УК РФ).

Обратим внимание на то, что в целом, квалифицирующие признаки всех составов мошенничества совпадают между собой. В частности, признак группы лиц предусмотрен во всех составах. Что касается признака причинения значительного ущерба, то он отсутствует среди квалифицированных составов мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) [45, с. 388]. Данное решение законодателя можно объяснить тем, что категория значительный ущерб носит, прежде всего, оценочный характер и применяется к гражданину, а в случае с перечисленными составами преступления, ущерб причиняется либо кредитной организации, либо государству в лице соответствующих государственных органов. Таким образом исчисление значительного ущерба для таких категорий потерпевших будет необоснованным. Вместе с тем, это обстоятельство не отменяет усиления уголовной ответственности за соответствующие виды мошенничеств, совершённые в крупном или особо крупном размерах, которые выступают в качестве особо квалифицирующих признаков и будут рассмотрены в следующем параграфе.

Из перечисленных квалифицирующих признаков, в первую очередь, рассмотрим признак группы лиц по предварительному сговору. Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ, «преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления» [23]. Таким образом, обязательными признаками группы лиц по предварительному сговору выступают участие в совершении преступления двух или более физических лиц, наличие у последних предварительной, договорённости о совместном совершении преступления, и совершение действий, направленных на его совершение.

Вместе с тем, учитывая, что отдельные составы мошенничества предусматривают наличие специального субъекта, возникает вопрос о том, все ли члены группы лиц по предварительному сговору должны соответствовать критериям специального субъекта или нет. В частности, речь идёт «о составе мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, ответственность за которое предусмотрена ч.ч. 5-7 ст. 159 УК РФ, а также о мошенничестве в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ)» [44]. В первом случае субъектом преступления может быть только лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также лицо, уполномоченные действовать от имени организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность.

Пленум Верховного Суда РФ сформировал по этому поводу позицию, согласно которой субъектами перечисленных преступлений могут быть только лица, соответствующие специальным признакам, а следовательно, в составе группы лиц все без исключения участники должны соответствовать данным критериям. Так, согласно п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, «мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, мошенничество в сфере кредитования, присвоение или растрату надлежит считать совершенными группой лиц по

предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более лица, отвечающие признакам специального субъекта этих преступлений, которые заранее договорились о совместном совершении преступления» [17].

Соответственно, согласно абз. 2 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48, «лица, не обладающие соответствующим статусом или правомочиями, но непосредственно участвовавшие в хищении имущества согласно предварительной договоренности с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, либо с заемщиком, либо с лицом, которому вверено имущество, должны нести уголовную ответственность по статье 33 и соответственно по части 5, 6 или 7 статьи 159, статье 159.1 или статье 160 УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей или пособников» [17].

Такой подход Пленума Верховного Суда соответствует положениям ч. 3 и 4 ст. 34 УК РФ. Согласно указанной нормы, уголовная ответственность организатора, подстрекателя или пособника наступает по основной статье и по ст. 33 УК РФ, кроме тех случаев, когда он одновременно является и соисполнителем преступления. В свою очередь, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ «лицо, не обладающее признаками специального субъекта, однако, принимающее участие в совершении такого преступления, может нести ответственность только в качестве организатора, подстрекателя либо пособника» [44]. Таким образом, например, если два соисполнителя преступления (например, два созаёмщика) соответствуют критериям специального субъекта, то последние выступают в качестве соисполнителей и их действия подлежат квалификации по ч. 2 ст. 159 УК РФ (либо по ч. 2 другой нормы предусматривающей ответственность за мошенничество). В случае, если из двух созаёмщиков, один из них будет выполнять роль организатора, то последний несёт ответственность именно как соисполнитель. В случае, если же лицо не обладает признаками специального субъекта (например, не занимает руководящую должность в коммерческой организации, либо не

является заёмщиком (созаёмщиком), а, например, выступает поручителем по кредиту) то роль последнего может заключаться в роли организатора, подстрекателя либо пособника, соответственно, со ссылкой в приговоре на статью особенной части и ст. 33 УК РФ.

Именно по такому пути пошла и судебная практика. В.М. Лебедев отмечает, что «наличие как минимум двух соисполнителей выступает обязательным признаком группового преступления. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что действия одного исполнителя и пособника (организатора, подстрекателя) не могут быть квалифицированы по признаку совершения преступления группой лиц» [8, с. 22-23]. Анализ судебной практики показывает, что Верховный Суд РФ и нижестоящие суды придерживаются таких позиций [10], [14], [15].

Подобный подход законодателя и Пленума Верховного Суда РФ вызывает определённую критику. Трудности разрешения данного вопроса в том, что необходимо согласовать правильную квалификацию действий виновных лиц не только применительно к составам мошенничества, либо преступлений против собственности, а применительно ко всем составам преступлений в целом. Иными словами, речь идёт о согласовании правил ответственности лиц имеющих общий характер. Представляется, что главным принципом тут должно выступать соразмерность квалификации действий виновного степени опасности совершённого им деяния. «В свою очередь групповое совершение преступления, в том числе, по предварительному сговору несёт в себе значительно большую общественную опасность, чем преступление, совершённое в одиночку, либо без такого сговора» [37, с. 72]. В случае, если, при одном непосредственном исполнителе, в состав предварительной группы по предварительному сговору не будут входить организатор, пособник либо подстрекатель, то действия исполнителя, исходя из приведённой выше позиции законодателя а также Пленума Верховного Суда РФ, необходимо будет квалифицировать по ч. 5 ст. 159, УК РФ либо по ч. 1 ст. 159.1 УК РФ соответственно, а действия организатора, исполнителя

либо пособника по тем же статьям в совокупности с соответствующей частью ст. 33 УК РФ [54, с. 15]. Таким образом, реально действующая групповая криминальная связь между соучастниками преступления не приведёт к более строгому наказанию. При этом, отметим, что совершение преступления по предварительному сговору группой лиц двумя исполнителями преступления выглядит уж точно не более опасным, чем совершение такого же преступления по предварительному сговору, в котором принимал участие только один исполнитель, но, при этом, присутствовал организатор, пособник и подстрекатель. Представляется, что в данном случае нарушен принцип соразмерности уголовной ответственности, поскольку идёт речь о применении сформированного в законодательстве правила, подтверждённого многолетней правприменительной практикой, которое приводит к «искусственному» смягчению уголовной ответственности участников группового преступления (в том числе, группового мошенничества). Данные преступления несут в себе большую общественную опасность чем простые составы мошенничеств, в связи с чем, должны наказываться более строго.

Вместе с тем, повторимся, что решение данной проблемы в контексте только мошенничества, невозможно, поскольку необходимо формирование единого подхода к квалификации всех подобных действий.

Далее обратим внимание на то, что в состав группы лиц по предварительному сговору при мошенничестве могут входить и лица, которые не подлежат уголовной ответственности (например, в силу возраста, а также в силу невменяемости, по иным предусмотренным законом причинам). Такой вывод следует из анализа судебной практики. Так, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.05.2021 № 75-УДП21-8-К3, указывается следующее: «уголовное дело передано на новое кассационное рассмотрение, поскольку судом не дана оценка фактическим действиям осужденного, который не только предложил невменяемому лицу совершить совместно с ним хищение чужого имущества, но и лично участвовал в завладении имуществом, при этом уголовный закон

не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности» [11]. В другом определении Верховного Суда РФ, указывается следующее: «положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат формулировок о наличии вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности» [12]. Аналогичную позицию коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации высказала по делу об убийстве в определении от 21.12.2022 № 58-УД22-19-А5 [13].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что если мошенничество будет совершено по предварительному сговору двумя лицами, один из которых является исполнителем, а другой выполнял роль исполнителя, однако в силу возраста (например, несовершеннолетнее лицо предоставило поддельный паспортный документ в котором был завышен его возраст), либо невменяемости, то действия указанных лиц должны быть квалифицированы как совершение мошенничества группой лиц по предварительному сговору. Данный вывод следует из процитированных выше решений Верховного Суда РФ по конкретным делам. Однако системность данной позиции и период в течении которого она проявляется (период 2020-2022 года), позволяет предположить о формировании новой правоприменительной позиции.

Иными словами, «позиция Верховного Суда (судебной коллегии по уголовным делам) заключается в том, что признак совершение преступления группой лиц по предварительному сговору определяется фактическим участием в совершении преступления двух и более лиц, при этом, из нормы закона не следует, что все участники группы лиц по предварительному сговору должны подлежать уголовной ответственности. В буквальном понимании это значит, что группой ли по предварительному сговору может

быть признана и группа, состоящая из одного подлежащего уголовной ответственности лица и второго лица, который в силу определённых обстоятельств, не подлежит уголовной ответственности» [37, с. 72]. Соответственно, действия первого из них (подлежащего ответственности), будут квалифицированы по ч. 2 ст. 35 УК РФ и по норме уголовного закона определяющего преступность деяния (в данном случае – мошенничества).

Далее обратимся к особенностям соучастия по предварительному сговору группой лиц. В.К. Дуюнов отмечает, что «объективным признаком соучастия является совместность совершения преступления соучастниками, означающая, что: преступление совершается взаимообусловленными действиями (или бездействием) соучастников; эти действия направлены на единый преступный результат; между деянием каждого из них и общим преступным результатом имеется причинная связь» [4, с. 139]. В случае с предварительным сговором группой лиц, идёт речь о взаимно обусловленных согласованных действиях (поскольку имеет место предварительный сговор), которые имеют общую преступную цель и предполагают наличие причинной связи между совершаемым деяниями и достигаемым преступным умыслом.

Кроме того, выделяются субъективные признаки соучастия. В.К. Дуюнов отмечает, что «субъективным признаком соучастия является умышленное совершение умышленного преступления. Это означает, что каждый соучастник действует с прямым или с косвенным умыслом, т.е. осознает общественную опасность совершаемого им деяния, предвидит его общественно опасные последствия и желает либо сознательно допускает наступление этих последствий, либо относится к ним безразлично (ст. 25 УК)» [4, с. 139]. Как известно, все без исключения составы мошенничества предполагают умысел. Кроме того, сложившаяся судебная практика и уголовно-правовая доктрина не допускает возможность соучастия в неосторожном преступлении.

Далее рассмотрим особенности такого квалифицирующего признака мошенничества, как причинение значительного ущерба потерпевшему. Как уже

указывалось выше, данный признак присущий всем видам мошенничеств, кроме мошенничества в сфере кредитования и мошенничества при получении выплат.

Согласно п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, «мошенничество, присвоение или растрата, совершенные с причинением значительного ущерба гражданину, могут быть квалифицированы как оконченные преступления по части 2 статьи 159, части 2 статьи 159.3, части 2 статьи 159.5, части 2 статьи 159.6 или части 2 статьи 160 УК РФ соответственно только в случае реального причинения значительного имущественного ущерба, который в соответствии с пунктом 2 примечаний к статье 158 УК РФ не может составлять менее пяти тысяч рублей»[17].

Таким образом, установлена взаимосвязь между вопросом определения значительного ущерба в мошенничестве и в других преступлениях против собственности, поскольку в соответствии с примечанием вторым к ст. 158 УК РФ, её положения распространяются на все нормы данной главы УК РФ.

В свою очередь, позиция Пленума Верховного Суда РФ по особенностям определения значительного ущерба при совершении мошенничества изложена в абзаце 2 п. 31 постановления от 30.11.2017 № 48, согласно которой, «при решении вопроса о наличии в действиях лица квалифицирующего признака причинения гражданину значительного ущерба судам наряду со стоимостью похищенного имущества надлежит учитывать имущественное положение потерпевшего, в частности наличие у него источника доходов, их размер и периодичность поступления, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство. Мнение потерпевшего о значительности или незначительности ущерба, причиненного ему в результате преступления, должно оцениваться судом в совокупности с материалами дела, подтверждающими стоимость похищенного имущества и имущественное положение потерпевшего» [17].

В первую очередь, обращает на себя внимание то, что значительный ущерб может быть причинён только гражданину. Из этого следует, что потерпевшим по такой категории дел не может выступать организация и государство. Под гражданином, как представляется, имеется в виду любое физическое лицо, вне зависимости от гражданской принадлежности. Кроме того, как следует из процитированной позиции, стоит исходить из совокупности признаков. Первый из них (кроме преодоления нижнего «барьера» в 5 тыс. руб.), заключается в оценке стоимости похищенного. Второй признак заключается в оценке материального положения потерпевшего. Для этого, необходимо установить наличие у последнего источника доходов, их размера, периодичности поступления, а также совокупный доход членов его семьи (тех лиц, с которыми он ведёт совместное хозяйство). И только сопоставив стоимость похищенного с материальным положением потерпевшего, возможно сделать вывод о том, бил ли ему причинён значительный ущерб или нет.

Согласно ч. 5 ст. 159 УК РФ и примечания 1 к данной статье, нижний порог значительного ущерба при мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности, составляет 10000 руб.

При квалификации действий виновного как совершение мошенничества с причинением значительного ущерба потерпевшему, возникает дискуссионный вопрос относительно того, каким образом, преступник может предусмотреть причинение такого ущерба потерпевшему. В большинстве случаев он просто не будет осведомлён о том, является ли такой ущерб значительным, или нет. Таким образом, в данном случае, идёт речь об объективном вменении исходя из фактически наступивших последствиях для потерпевшего, которые могут и не охватываться умыслом (в плане значительности) преступника.

В подведение итогов рассмотрения вопроса о квалифицирующих признаках мошенничеств отметим, что последние в составах мошенничеств (части вторые статей 159-159.6 УК РФ) имеют согласованную и логичную

структуру. В качестве таковых признаков законодатель выделяет совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и причинение значительного ущерба потерпевшему. Последний квалифицирующий признак не относится к мошенничеству в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и мошенничеству, связанному с получением выплат (ст. 159.2 УК РФ). Это связано с тем, что потерпевшей стороной по данным категориям преступлений не могут выступать граждане (а только кредитные организации и государство в лице компетентных органов). Разрешение вопроса о причинении гражданину значительного материального ущерба исходит из трёх критериев. Первый это преодоление минимального порога похищенного, который составляет 5 тыс. руб. и 10 тыс. руб. для мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Вторым это стоимость похищенного которая должна быть сопоставлена с материальным положением потерпевшего. В свою очередь, материальное положение потерпевшего определяется исходя из наличия у последнего доходов, его размера, периодичности, наличия иждивенцев и других членов семьи, а также совокупный доход потерпевшего с доходом других членов семьи с которыми последний ведёт общее хозяйство. Представляется, что совершенствование практики применения данной нормы может заключаться и в выяснении вопроса о наличии у потерпевшего и членов его семьи ценного имущества, а также имущественных прав. Поскольку не является редкостью ситуации уклонения от уплаты налогов, поступление гражданам не декларируемых доходов. Кроме того, исходя из действующего подхода пленума Верховного Суда РФ не учитывается стоимость имущества такого гражданина.

Признак предварительного сговора группой лиц при совершении мошенничества предполагает наличие двух и более лиц, совершивших данное преступление вне зависимости от их преступной роли. Важным условием, является достижение последними договорённости до момента начала выполнения объективной стороны преступления. Виды мошенничеств, которые могут быть совершены только специальными субъектами, а именно

мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч.ч. 5-7 ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) предполагают возможность включения в группу лиц по предварительному сговору только лиц, соответствующих признакам специального субъекта.

3.2 Особо квалифицированные составы мошенничество, их влияние на квалификацию и ответственность

В первую очередь, перечислим особо квалифицирующие признаки мошенничества, предусмотренные в ч.ч. 3-4, 6-7 ст. 159 УК РФ, в ч.ч. 3-4 ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ. К таким признакам относятся следующие:

- мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 159.5, п. «а» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ);
- мошенничество, совершённое в крупном размере (ч.ч. 3, 6 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 159.5 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, ч. 3 ст. 159.1-159.3 УК РФ);
- мошенничество, совершённое в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.1, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 159.3, ч. 4 ст. 159.5 и ч. 4 ст. 159.6 УК РФ);
- мошенничество, совершенное организованной группой (ч. 4 ст. 159 УК РФ, 4 ст. 159.1, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 159.3, ч. 4 ст. 159.5 и ч. 4 ст. 159.6 УК РФ);
- мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ);
- мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба (ч. 5 ст. 159 УК РФ).

– завладение денежными средствами с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ).

Рассмотрим перечисленные квалифицирующие признаки.

Во-первых, мошенничество, совершённое в крупном размере (ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 159.5, ч. 3 ст. 159.6 УК РФ).

В соответствии с примечанием к ст. 159.1 УК РФ, крупным размером в данной статье, признается стоимость имущества, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным - шесть миллионов рублей. При этом, для ст. 159.2 УК РФ, крупным размером признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей.

Во-вторых, мошенничество, совершённое организованной группой либо (ч. 4 ст. 159.1, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 159.3, ч. 4 ст. 159.5, ч. 4 ст. 159.6 УК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений [56, с. 89].

В-третьих, мошенничество, совершённое в особо крупном размере, (ч. 4 ст. 159.1, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 159.3, ч. 5 ст. 159.5, ч. 4 ст. 15.6 УК РФ).

В соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ, для ст. 159.2 УК РФ особо крупный размер составлен сумму один миллион рублей.

Согласно абзаца второго п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, «в отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, в организованную группу по смыслу части 3 статьи 35 УК РФ могут входить также лица, не обладающие признаками специального субъекта, предусмотренными частями 5, 6 или 7 статьи 159, статьей 159.1 или статьей 160 УК РФ, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений» [17].

Кроме того, указывается, что «в случае признания мошенничества, присвоения или растраты совершенными организованной группой действия

всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по соответствующей части статей 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ» [17].

Согласно п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, «под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (часть 3 статьи 159, часть 3 статьи 159.1, часть 3 статьи 159.2, часть 3 статьи 159.3, часть 3 статьи 159.5, часть 3 статьи 159.6, часть 3 статьи 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными пунктом 1 примечаний к статье 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным пунктом 1 примечаний к статье 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации)» [17].

Также отмечается, что «действия организаторов, подстрекателей и пособников мошенничества, присвоения или растраты, заведомо для них совершенных лицом с использованием своего служебного положения, квалифицируются по соответствующей части статьи 33 УК РФ и по части 3 статьи 159, части 3 статьи 159.1, части 3 статьи 159.2, части 3 статьи 159.3, части 3 статьи 159.5, части 3 статьи 159.6 или по части 3 статьи 160 УК РФ соответственно» [48, с. 136].

Согласно п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, «определяя стоимость имущества, похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о стоимости похищенного имущества она может быть установлена на основании заключения специалиста или эксперта [49, с. 54].

При установлении размера похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты судам надлежит иметь в виду, что хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества.

Если стоимость имущества, похищенного путем мошенничества (за исключением части 5 статьи 159 УК РФ), присвоения или растраты, составляет не более двух тысяч пятисот рублей, а виновный является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей, и в его действиях отсутствуют признаки преступлений, предусмотренных частями 2, 3 и 4 статьи 159, частями 2, 3 и 4 статьи 159.1, частями 2, 3 и 4 статьи 159.2, частями 2, 3 и 4 статьи 159.3, частями 2, 3 и 4 статьи 159.5, частями 2, 3 и 4 статьи 159.6, частями 2 и 3 статьи 160 УК РФ, то содеянное подлежит квалификации по статье 158.1 УК РФ» [17].

Кроме того, согласно п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, «вопрос о наличии в действиях виновных квалифицирующего признака совершения мошенничества, присвоения или растраты в крупном или особо крупном размере должен решаться в соответствии с пунктом 4 примечаний к статье 158 УК РФ для целей частей 3 и 4 статьи 159, частей 3 и 4 статьи 159.2, частей 3 и 4 статьи 159.3, частей 3 и 4 статьи 159.6, частей 3 и 4 статьи 160 УК РФ, в соответствии с пунктами 2 и 3 примечаний к статье 159 УК РФ для целей частей 6 и 7 статьи 159 УК РФ и в соответствии с примечанием к статье 159.1 УК РФ для целей частей 3 и 4 статьи 159.1, частей 3 и 4 статьи 159.5 УК РФ» [18].

При этом, «в случае совершения нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого образует крупный или особо крупный размер, содеянное квалифицируется с учетом соответствующего признака, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном или особо крупном размере.

Разрешая вопрос о квалификации действий лиц, совершивших мошенничество, присвоение или растрату в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группы по признаку «причинение значительного ущерба гражданину» либо по признаку «в крупном размере» или «в особо крупном размере», следует исходить из общей стоимости имущества, похищенного всеми участниками преступной группы» [17].

Далее рассмотрим особенности квалифицирующего признака мошенничества сопряжённого с лишением гражданина права на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ). Обращает на себя внимание, что в данном случае не конкретизировано о каком именно праве на жилое помещение идёт речь. Безусловно, речь идёт о праве собственности, поскольку в результате его лишения, гражданину причиняется непосредственный имущественный ущерб в размере стоимости такого жилого помещения. Однако речь может идти и о праве пользования данным помещением, которое также подлежит оценке. В виду того, что предметом мошенничества может выступать не только имущество, но и права на имущество, завладение возможностью пользования жилым помещением принадлежащей другому гражданину, может расцениваться как лишение последнего права на пользования жилым помещением.

Кроме обозначенных, существуют и другие проблемы толкования данной нормы. Н.Г. Кадников, Е.В. Белов, и Б.Н. Кадников в совместной публикации выделяют следующие проблемы. В частности, «само последствие такого мошенничества нуждается в дополнительном разъяснении. Может ли лишение гражданина права на жилое помещение быть только окончательным или возможно временное, или частичное нарушение такого права? Полагаем, что может быть, как одно, так и второе. Лишение, как действие, означает невозможность гражданина реализовать свое право на жилое помещение. Во-вторых, о каком праве говорит законодатель, о праве собственности или о праве аренды на жилое помещение (либо социальном найме)? Полагаем, что в

числе потерпевших могут быть как собственники жилого помещения, так и лица, пользующиеся им по договору найма. Но остаются вне предмета регулирования потерпевшие, которым причиняется вред в рамках договора о долевом строительстве, когда право собственности еще не оформлено. Мошенничество в отношении таких лиц, на наш взгляд, должно квалифицировать по другим признакам ст. 159 УК. В-третьих, может ли это означать физическую невозможность реализовать свое право или речь идет только об изменении обладателя права по правоустановочным документам? Полагаем, что в первом случае квалификация будет несколько иной. В-третьих, что за жилое помещение имеет в виду законодатель? В примечании к ст. 139 УК РФ закреплено понятие жилища, под которым в соответствующих статьях УК РФ понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее» [6, с. 92].

Исходя из этого, следует вывод, что непосредственным объектом мошенничества, совершённого в сфере предпринимательской деятельности являются экономические отношения возникающие в отношениях между субъектами предпринимательства.

С момента введения в действия нормы закона предусматривающего дифференцированную ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, в научном сообществе и у правоприменителя возникло несколько ключевых вопросов. Во первых, как именно необходимо трактовать «обязательства в сфере предпринимательской деятельности» и могут ли такие обязательства (применительно к уголовной ответственности) быть основаны не на договоре?

Учёный А.А. Южин обращает внимание на «тот факт, что законодатель связывает, предпринимательскую деятельность лишь с договорными обязательствами, не позволяет полностью раскрыть всю сущность этой экономической деятельности» [25, с. 165].

В соответствии с абз. 1 п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», «по смыслу части 5 статьи 159 УК РФ, под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности следует понимать умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества или приобретения права на такое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации»[16].

Основываясь на процитированном, можно сделать вывод о том, что высшая судебная инстанция сферу предпринимательской деятельности понимает как отношения, возникающие между субъектами предпринимательства на основании заключенного между ними договора. Кроме того, ВС РФ указывает и на специальный статус субъекта – это всегда лицо, зарегистрированное в установленном порядке в качестве субъекта предпринимательства, то есть наделённое соответствующим правовым статусом. Вопрос о квалификации мошеннических действий по договору содержание которого опосредует предпринимательский интерес сторон (то есть является предпринимательским фактически), однако стороны которых не наделены соответствующим статусом, должен быть решён в пользу «простого» состава мошенничества.

Согласно положений Гражданского кодекса РФ, «гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и без государственной регистрации не вправе ссылаться в отношении заключённых им при этом сделок на то, что он не является предпринимателем. Суд может применить к таким сделкам правила настоящего Кодекса об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» [3].

Аналогичный подход, который предполагает необходимость соответствия субъекта преступления «предпринимательскому статусу, существует и в текущей судебной практике. Для примера рассмотрим Апелляционное постановление Тверского областного суда от 24.11.2016 года по делу № 22-2678/2016 [2]. В апелляционной жалоба, гражданка, «осужденная за совершение большого количества мошенничеств в период с 2005 по 2010 года, просила суд применить в отношении неё принцип обратной силы уголовного закона, поскольку, по её мнению, дополнение ст. 159 УК РФ частями пятой – седьмой, улучшают её положение. В качестве обоснования своих требований, осуждённая указывала, что преступления, за которые она осуждена, совершены в сфере предпринимательской деятельности, по ряду преступлений потерпевшей стороной являются предприниматели, что прямо следует из постановленных в отношении нее приговоров» [2].

В ходе рассмотрения жалобы судом было установлено, что «осуждённой не были исполнены обязательства взятые на себя по договорам займа денежных средств с различными лицами, в том числе субъектами предпринимательской деятельностью. Целью получения денежных средств, которая сообщался заёмщикам, являлось развитие «предпринимательской деятельности» осуждённой, хотя, в реальности последней таковая не велась. При достижении договорённостей с потерпевшими осужденная достоверно зная об этом, не сообщала последним о наличии неисполненных обязательств перед другими заёмщиками, банками и прочими кредитными организациями. Таким образом, осужденная не имела изначального намерения в дальнейшем выполнять возложенные на себя обязательства по договорам займа. Однако, при совершении всех вышеперечисленных действий, осужденная не имела статуса индивидуального предпринимателя, не являлась должностным лицом коммерческой организации» [2].

Исходя из этого, суд пришёл к выводу о том, что «преступная деятельность по хищению денежных средств граждан путем обмана и злоупотребления доверием, осуществляемая под видом предпринимательской

либо иной легальной деятельности, не может быть квалифицирована, как совершенная в сфере предпринимательской деятельности» [2].

В других рассмотренных примерах из судебной практики, суды исходя из наличия статуса руководителя коммерческой организации, квалифицируют действия как мошенничество в предпринимательской сфере, если данное лицо изначально не намеревалось исполнять обязательства по предпринимательскому договору и тем самым завладело имуществом, либо правом на имущество [19], [20].

В таких решениях интересной для рассмотрения представляются позиции судов апелляционной инстанции, который, квалифицируя действия виновной по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере) а не по ч. 3 ст. 159.4 УК РФ, исходил из того, что «предпринимательская деятельность не ограничивается только наличием у лица статуса индивидуального предпринимателя или лица, являющегося руководителем в коммерческой организации. Совершенное преступление должно быть связано именно с предпринимательской деятельностью, которой на легальном основании занимается виновный. Если же мошенничество путем обмана совершается в сфере, не связанной с областью легального предпринимательства, преступление не может считаться совершенным в сфере предпринимательства. При этом суд указал, что в ходе судебного следствия установлено, что деятельность ООО «Спецполимер» никогда не была связана с производством, поставкой, реализацией мукомольной продукции, в том числе рисовой муки» [21].

Аналогичная позиция высказывалась и в решении суда апелляционной инстанции, являвшегося предметом пересмотра в суде кассационной инстанции Республики Башкортостан [22]. В указанном решении обозначено следующее: мошенничество может считаться совершённым в предпринимательской деятельности, если оно совершено «лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в предпринимательской деятельности, и эти преступления непосредственно

связаны с указанной деятельностью. При этом не имеет значения, каким образом осужденный поступил с похищенным имуществом (например, присвоил себе лично или использовал для предпринимательской деятельности)» [22].

Рассмотрим так же ситуацию, когда лицо «совершило мошенничество в соответствующей сфере, обладая статусом, на момент совершения преступления, например, индивидуального предпринимателя. Однако, в последствии, государственная регистрация последнего была отменена, поскольку, по каким-либо причинам его дееспособность в этом вопросе была ограничена. Являются ли его действия, в таком случае, покушением на совершение мошенничества в сфере предпринимательства, или требуют квалификации по простому составу мошенничества? Ведь совершая все свои действия, преступник полагал, что нарушает обязательства непосредственно связанные с предпринимательским договором, пребывая в соответствующем статусе. Так же, преступник должен понимать, что им осуществляется покушение на особый объект уголовно-правовой охраны – отношения в сфере предпринимательской деятельности» [9, с. 76].

Формируя собственное отношение к обозначенной проблеме, сделаем вывод о том, что действия виновного лица должны быть квалифицированы исходя из его статуса на момент окончания преступления, то есть завладения чужим имуществом, правом на имущество. Если на этот момент, государственная регистрация физического лица в качестве индивидуального предпринимателя будет завершена, либо будет завершено создание коммерческой организации, то действия виновного необходимо квалифицировать по ч.ч. 5-7 ст. 159 УК РФ. Квалификация действий таких лиц, как покушение на совершение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, выглядит не оправданной, поскольку позволяет избежать лицу, фактически совершившему преступление, заслуженного наказания за полноценное преступление.

Так, соответствии с п. 1 ст. 8 ГК РФ, «гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности» [3]. А.А. Южина, предлагает «значительно расширить объективную сторону «предпринимательского» мошенничества, изложив её в следующей редакции: хищение имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана, если деяние было непосредственно связано с обязательствами, вытекающими из предпринимательской деятельности» [25, с. 167]. Похожую позицию высказывает в своих научных публикациях также И.А. Киселёва [7, с. 87].

Не согласен с такой позицией Г.А. Есаков который настаивает «на таком понимании рассматриваемой нормы, которая позволит понимать её как содержащую запрет хищения чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем преднамеренного неисполнения договорных предпринимательских обязательств. То есть совершение объективной стороны непосредственно связывается с неисполнением конкретного условия договора или обязательства, вытекающего из этого условия» [5, с. 42],

В подведение итогов настоящего параграфа, сделаем следующие выводы. У следственных органов и у судов до настоящего момента не сформировался единый подход относительно понимания отдельных элементов состава данного преступления. В частности суды при принятии решений, дают различные оценки обстоятельства осуществления лицом законной предпринимательской деятельности. В одних случаях, суды обращают внимание на то, что подсудимый изначально не намеревался осуществлять законную предпринимательскую деятельность (при регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, либо при создании коммерческой организации). В таком случае, сам факт регистрации в качестве субъекта предпринимательства выступает способом создания

условий для совершения преступления (например, приготовлением к нему). В других случаях, суды не обращают внимание на данное обстоятельство, признавая тем самым, что намерения лица при регистрации в качестве субъекта предпринимательства не имеют определяющего значения, а умысел на совершение мошенничества может возникнуть и у того лица, которое осуществляет законную предпринимательскую деятельность. Например, осуществлялись реальные поставки товаров, работ или услуг. В третьих случаях суды, даже вопреки соответствующей позиции сторон по делу (например, потерпевшей стороны, либо стороны защиты) не придают описанным обстоятельствам никакого внимания (в таком случае, для квалификации действий по «предпринимательскому мошенничеству» судам достаточной установление юридического статуса подозреваемого, как индивидуального предпринимателя, руководителя коммерческой организации либо иного лица, имеющего право действовать от имени такой организации [53. с. 46].

Одним из элементов объективной стороны мошенничества в сфере предпринимательской деятельности выступает обстановка совершения преступления к которой относятся наличие между двумя сторонами предпринимательских отношений, в которой каждая из сторон преследует свой интерес, а заключённый между ними договор можно идентифицировать как предпринимательский. Действия лица, которое осуществляло предпринимательскую деятельность без необходимой для таких случаев государственной регистрации, и завладело чужим имуществом, либо правом на имущество обманным способом, необходимо квалифицировать как «простое мошенничество» предусмотренное ч.ч. 1-4 ст. 159 УК РФ. Это связано с безальтернативной позицией пленума Верховного Суда РФ и сложившийся за годы применения нормы правоприменительной практики, согласно которой, в рассматриваемом составе преступлений субъект должен соответствовать специальным критериям.

В случае, если лицо, наделённое статусом индивидуального предпринимателя, либо лицо, имеющее право действовать от имени коммерческого лица, совершит мошеннические действия, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности и заключением предпринимательского договора, то такие действия необходимо квалифицировать как «простое мошенничество». Возникает вопрос о том, каким образом квалифицировать мошенничество, совершённое лицом, наделённым в момент его совершения, предпринимательским статусом, однако, в последствии государственная регистрация которого была отменена (то есть будет установлен факт незаконной регистрации). На данный момент решения по данному вопросу в судебной практике отсутствует. Исходя из формалистского подхода, который избрал Пленум Верховного Суда РФ, отмена государственной регистрации должна исключать квалификацию действий виновного как предпринимательского мошенничества.

Заключение

В подведение итогов рассмотрения уголовно-правовой характеристики основных составов мошенничества (ст.ст. 159-159.6 УК РФ), сделан вывод о том, что родовым объектом мошенничества являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность экономической сферы в России. Видовым и непосредственным объектом мошенничества являются общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией права собственности: права владения, пользования и распоряжения имуществом. У мошенничества, в отличие от большинства других видов хищений, отсутствует дополнительный (факультативный) объект.

Имущество, как предмет мошенничества, всегда носит материальный характер, является частью материального мира, то есть обладает признаком вещи и иных предметов. С учётом современных социально-экономических реалий право возникающие в связи с обладанием такими цифровыми объектами, как цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровые утилитарные права (по сути, право требования передачи вещи, либо совершения иного действия имущественного характера зафиксированное в цифровой форме) должно охраняться в т.ч. и уголовным законом, а следовательно, завладение такими правами путём обмана или злоупотреблением доверием должно квалифицироваться по соответствующей норме Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение мошенничества.

Основным признаком, выделяющим мошенничество среди других форм хищений предусмотренных в уголовном законодательстве, является способ совершения хищения, который выражается в обмане или злоупотреблении доверием. Проведённый анализ судебной практики по уголовным делам о мошенничестве, показывает, что суды и органы предварительного расследования в большинстве случаев не разграничивают способы совершения мошенничества, вменяя виновным как обман, так и

злоупотребление доверием. Действительно, разграничение названных способов совершения мошенничества вызывает затруднение как в правоприменительной практике, так и в теории уголовного права.

Как показывает судебная практика, наибольшие сложности в доказывании вины лиц, совершивших мошеннические действия, является установления в их действиях умысла на совершение преступления.

Мошенничество может быть совершено только с умышленной формой вины. Умысел может быть как прямым, так и косвенным. Лицо, совершающее мошенничество осознаёт и понимает, что юридически имущество ему не принадлежит, у него отсутствуют на него законные права. При этом следует отделять от юридического статуса вещи, возможные представления лиц совершающих преступления, основанные на том, что они «возвращают награбленное, принадлежащее народу» и т.п.

Субъект мошенничества общий, уголовной ответственности за совершение данного преступления подлежат лица, достигшие 16-летнего возраста. Существует проблема несоответствия «нижних» возрастных порогов привлечения к уголовной ответственности за кражу (ст. 158 УК РФ, ответственность наступает с момента достижения 14-летнего возраста), грабёж (ст. 161 УК РФ, ответственность наступает с момента достижения 14-летнего возраста) и мошенничество (ст. 159 УК РФ ответственность за совершение которого наступает с 16-летнего возраста), которая выражается в наличии сходных по своим признакам деяний связанных с завладением чужим имуществом, которые в зависимости от усмотрения правоприменителя, могут быть квалифицированы различным образом. Данная проблема порождает необходимость приведения низшего возрастного порога привлечения к уголовной ответственности к «единому знаменателю». Предположительным способом решения обозначенной проблемы видится понижение возрастного порога привлечения к уголовной ответственности за мошенничество до 14-летнего возраста.

В подведение итогов рассмотрения вопроса о квалифицирующих признаках мошенничеств отметим, что последние в составах мошенничеств (части вторые статей 159-159.6 УК РФ) имеют согласованную и логичную структуру. В качестве таковых признаков законодатель выделяет совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и причинение значительного ущерба потерпевшему. Последний квалифицирующий признак не относится к мошенничеству в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и мошенничеству, связанному с получением выплат (ст. 159.2 УК РФ). Это связано с тем, что потерпевшей стороной по данным категориям преступлений не могут выступать граждане (а только кредитные организации и государство в лице компетентных органов). Разрешение вопроса о причинении гражданину значительного материального ущерба исходит из трёх критериев. Первый это преодоление минимального порога похищенного, который составляет 5 тыс. руб. и 10 тыс. руб. для мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Второй это стоимость похищенного которая должна быть сопоставлена с материальным положением потерпевшего. В свою очередь, материальное положение потерпевшего определяется исходя из наличия у последнего доходов, его размера, периодичности, наличия иждивенцев и других членов семьи, а также совокупный доход потерпевшего с доходом других членов семьи с которыми последний ведёт общее хозяйство. Представляется, что совершенствование практики применения данной нормы может заключаться и в выяснении вопроса о наличии у потерпевшего и членов его семьи ценного имущества, а также имущественных прав. Поскольку не является редкостью ситуации уклонения от уплаты налогов, поступление гражданам не декларируемых доходов. Кроме того, исходя из действующего подхода пленума Верховного Суда РФ не учитывается стоимость имущества такого гражданина [43, с. 163].

Признак предварительного сговора группой лиц при совершении мошенничества предполагает наличие двух и более лиц, совершивших данное преступление вне зависимости от их преступной роли. Важным условием,

является достижение последними договорённости до момента начала выполнения объективной стороны преступления. Виды мошенничеств, которые могут быть совершены только специальными субъектами, а именно мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч.ч. 5-7 ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) предполагают возможность включения в группу лиц по предварительному сговору только лиц, соответствующих признакам специального субъекта.

По результатам анализа правил разграничения мошенничества и составов преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ, сделан вывод о том, что позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная им в п. 7 постановления от 30.11.2017 № 48 о недопустимости квалификации действий виновного лица как идеальной совокупности преступления (мошенничества и соответствующего квалифицированного состава ст. 327 УК РФ), использующего для совершения преступления заведомо поддельный или подложный документ, является необоснованной и подлежи корректировке.

В связи с этим, абзац 4 пункта 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 предлагается изложить в следующей редакции:

«Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, при наличии соответствующих признаков, подлежит квалификации по совокупности преступлений с соответствующей частью ст. 327 УК РФ».

По результатам рассмотрения вопросов разграничения составов преступлений предусматривающих ответственность за совершение мошенничества и смежных составов преступлений, содержащихся в других главах Особенной части УК РФ способом совершения которых также выступает обман и злоупотребление доверия, установлено, что основным критериев разграничения выступает наличие признаков хищения и корыстного мотива и цели в действиях преступника. Также установлено, что общим недостатком конструкций смежных составов заключается в

неоднозначности диспозиций, которые не позволяют с точностью определить критерий хищения как основной разграничивающий признак. В этой связи представляется необходимым внести изменения в УК РФ дополнив части первые статей 172.2, 176, 177, 200.3 УК РФ в части описания объективной стороны следующей фразы: «при отсутствии признаков хищения чужого имущества, либо права на него путём обмана или злоупотребления доверием.

В целом, можно сделать вывод о том, что разграничение мошенничества и смежных составов преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена иными главами Особенной части УК РФ, происходит по критерию наличия или отсутствия признаков хищения, а также корыстной цели в действиях виновных лиц. Кроме того, имеются различия исходя из критериев специального субъекта, а также специальных способов совершения преступлений, наличие специальной преступной цели, а также исходя из непосредственных объектов преступного посягательства (в случае со смежными составами преступлений, последние заключаются не только и несколько в посягательства на отношения собственности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Архипов А.В. Мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика: дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2016. 211 с.
2. Архипов А.В. История развития законодательства об ответственности за мошенничество в России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 12-20.
3. Алиева, Д.Н. Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический анализ: по материалам Республики Дагестан: дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. 89 с.
4. Боровков А.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5-7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2018. 240 с.
5. Батюкова В.Е. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования // Закон и право. 2019. № 1. С. 85-87.
6. Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Современное состояние института уголовной ответственности за мошенничество // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №10. С. 136-138.
7. Бойко С.Я. Уголовная ответственность за мошенничество: теоретико-прикладное исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 297 с.
8. Веремеенко М.В. Объект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Уголовная юстиция. 2014. № 2. С. 5-8.
9. Габдрахманов В.Ф., Макаров Р.В., Матвеев С.А., Прыгунова Е.В. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования: проблемы правоприменения // Крымский научный вестник. 2016. № 2. С. 39-52.

10. Григорян Г.Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. 23 с.

11. Григорян Г.Р. Юридическая характеристика объекта мошенничества в сфере компьютерной информации // Общество и право. 2017. № 2. С. 54-57.

12. Горобец К.В. Мошенничество по уголовному праву России и Франции. Сравнительно-правовой анализ: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 27 с.

13. Гладких В.И. Эволюция норм об ответственности за мошенничество в российском уголовном законодательстве // DIZWW. 2021. № 10-2. С. 21-23.

14. Гудков А.П. Объект мошенничества в сфере публичных закупок // Юридические исследования. 2019. №11. С. 46-52.

15. Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: монография / В.К. Дуюнов, А.Г. Хлебушкин. 6-е изд. – Москва : РИОР: ИНФРА-М, 2021. 481 с.

16. Демко О.С. Отдельные вопросы отграничения причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием от смежных посягательств против собственности // Юридическая наука. 2012. №1. С. 44-49.

17. Демко О.С. К вопросу отграничения присвоения или растраты от мошенничества // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. №2-2. С. 177-180.

18. Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 402 с.

19. Иванова О.М. Хищение чужого имущества как уголовно-правовая категория: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2020. 23 с.

20. Красников А.С. Обращение к неопределённому кругу лиц как признак состава преступления, предусмотренного статьей 159 уголовного

кодекса Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2012. № 2. С. 235-236.

21. Костюченко М.А. Кредитные преступления (ст.ст. 176, 177 УК РФ): характеристика и предупреждение: дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2020. 253 с.

22. Калашников М.И. Мошенничество в сфере недвижимого имущества: сравнительно-правовое и криминологическое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 247 с.

23. Кузьмин М.А., Фетисова Н.Е. Мошенничество: понятие и виды, отграничение от смежных составов // Современная наука. 2015. №4. С. 22-26.

24. Комягин Р.А. Состав преступления: теоретическое моделирование понятия, структуры и соотношения с преступлением: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 255 с.

25. Кадников Н.Г. О некоторых проблемах уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательства // Общество и право. 2017. № 3. С. 22-25.

26. Лунин Н.Н. Мошенничество по уголовному законодательству России: уголовно-правовая характеристика и квалификация: дисс. ... канд. юрид. наук. Орел, 2006. 207 с.

27. Лукин В.К., Петров Д.В. Квалификация мошенничества: проблемы отграничения от смежных преступлений, посягающих на собственность путем обмана потерпевшего // Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 3 (17). С. 66-71.

28. Маслов В.А. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 188 с.

29. Мусьял И.А. Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы: дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 258 с.

30. Мкртчян С.М. Мошенничество в сфере кредитования: вопросы обоснованности состава преступления и уголовно-правового поощрения за

позитивное посткриминальное поведение: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017. 337 с.

31. Митрофанов Т.И. Уголовно-правовая характеристика мошенничества при получении выплат (ст. 1592 УК РФ): дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 208 с.

32. Очередько В.П., Ковбенко Н.Д., Третьяков И.Л. Возникновение и развитие российского уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. №1. С. 26-129.

33. Пудовкин А.А. Уголовно-правовые и криминологические особенности мошенничества: дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007. 144 с.

34. Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа: дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2021. 239 с.

35. Полисюк Г.Б., Чистопашина С.С. Мошенничество при банкротстве: выявление, административная и уголовная ответственность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 24. С. 42-45.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

37. Розенцвайг А.И. Проблемы уголовной ответственности за мошенничество при получении выплат // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 1. С. 98-104.

38. Романовская М.Н. Уголовная ответственность за ТСЖ-мошенничество в Соединенных Штатах Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №4 (65). С. 131-135.

39. Суслина Е.В. Ответственность за мошенничество по Уголовному кодексу Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 191 с.

40. Салаев З.Р. Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 30 с.

41. Тимина Т.Н. Уголовно-правовые и криминологические аспекты мошенничества: на материалах Северо-Западного Федерального округа России: дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007. 22 с.

42. Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2021. 302 с.

43. Таймасханов И.М. Анализ уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования // Евразийский научный журнал. 2016. № 5. С. 163-164.

44. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

45. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.К. Дуюнова. - 6-е изд. - М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. -780 с.

46. Федченко А.В. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 123. С. 1727-1738.

47. Фролов М.Д. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 212 с.

48. Хапов К.Г. Особенности квалификации мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения // Теория и практика общественного развития. 2008. № 2. С. 135-137.

49. Хмельёва М.Ю. Уголовная ответственность за мошенничество: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 192 с.

50. Харламов Д.Д. Уголовная ответственность за компьютерное мошенничество по УК российской Федерации и ФРГ // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. №4. С. 95-104.

51. Чиркин К.В. Уголовная ответственность за мошенничество в советский период // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 3. С. 130-140.

52. Четырин Н.А. Ответственность за мошенничество в уголовном праве зарубежных стран // Вестник ТГУ. 2009. № 6. С. 413-416.

53. Чесноков М.В. Непосредственный объект мошенничества в сфере кредитования // БГЖ. 2016. № 3. С. 285-288.

54. Штанькова А.П. Привилегированные составы преступлений: понятие, основания криминализации, виды, особенности квалификации и наказания: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 287 с.

55. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 238 с.

56. Ямашкин С.В. Организованное мошенничество: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 253 с.

57. Australia's first criminal prosecution for research fraud. A case study from The University of Queensland. December 2017. URL: <https://www.ccc.qld.gov.au/sites/default/files/2019-08/Australias-first-criminal-prosecution-for-research-fraud-Case-study-2017.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).

58. Criminal Fraud Vs. Civil Fraud - What Are The Differences? URL: <https://www.hg.org/legal-articles/criminal-fraud-vs-civil-fraud-what-are-the-differences-52364> (дата обращения: 01.06.2023).

59. Sara G. C. Making the most of cybercrime and fraud crime report data: a case study of UK Action Fraud // The International Journal of Population Data Science. 2022. Vol. 7. No. 1. URL: <https://orcid.org/0000-0003-0261-6872> (дата обращения: 01.06.2023).

60. Podgor E. S. Criminal Fraud // American University Law Review. 1999. Volume 48 | Issue 4 Article 1. URL: <https://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1330&context=aulr> (дата обращения: 01.06.2023).

61. Kemp S. Fraud against individuals in the internet era: trends, victimisation, impact and reporting. 2020. URL: https://www.tesisenred.net/bitstream/handle/10803/671164/tsk_20201204.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 01.06.2023).